Прапорщики по адмиралтейству

Автор:
Владимир Поселягин

Прапорщики по адмиралтейству

Владимир Геннадьевич Поселягин

Фантастический боевик. Новая эра

Попасть в прошлое? Этим уже никого не удивишь! Но диванный вояка Мартын, завсегдатай исторических форумов, и предположить не мог, что такое случится именно с ним.

Попаданец в 1899 год, он понимает, что впереди у него Русско-японская война. Перед ним открывается возможность на деле испытать себя в роли неуловимого рейдера, Чёрного Капитана, захватывающего японские корабли! Он сделает всё, чтобы удача, сопутствующая японцам в этой войне, отвернулась от них! Он перепишет историю Русско-японской войны!

Владимир Поселягин

Прапорщики по адмиралтейству

© Владимир Поселягин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Пролог

Пошевелившись, я приоткрыл один глаз, пытаясь определить источник шума. Сутки назад я погиб, задохнувшись, – чёртова слива! – и оказался здесь. Где именно, пока сам не знаю. Очнулся в сарае, на соломе, одетый в рубище, и с тех пор тут и нахожусь. Болела голова: судя по шишке на темечке, бывшему хозяину этого тела прилетело неслабо.

Что я могу рассказать о себе? Звали меня Мартын. Мартын Скоробогатов. Отец – Геннадий, отчество соответственное ношу. Моя жизнь не особо отличается от жизни тысяч других парней. Советская семья, садик, развал СССР, школа, два класса техникума (не доучился). Потом армия. Попал на один год (как раз приказ вышел), за что от «дедушек», что служили два года, неслабо получал. От бабушки мне осталась квартира в Нижнем Новгороде, туда я из-под Казани и пере ехал. Работал в офисе небольшой компании обычным электриком. Да, всё здание обслуживал.

К моменту смерти (к две тысячи двадцатому году) мне было тридцать два года и у меня уже имелся заметный животик. Запустил себя слегка. А что, диван и пиво до добра не доводят. Я был форумным завсегдатаем, по историческим сайтам ползал, там меня многие знали. Книги почитывал, особенно альтернативку. В общем, я был типичным диванным воином.

Так и представляю себе: стою на диване в собственной однушке, в облачении русского воина Древней Руси: в кольчуге, шлеме, плащ красный княжий за спиной развевается, – и, протянув правую руку вперёд, вещаю:

– Нарекаю эту квартиру землёй Русской…

Ну, вообще-то это не глюки, было такое. Но стоял я в трусах-семейниках и хорошо поддатый.

Однако шутки шутками, а по себе знаю: диванные вояки – это такие звери… Как бы объяснить? У людей, которые сидят на разных сайтах, форумах, смотрят эти штатовские боевики, что льются из каждой розетки, постепенно стираются границы… человечности, что ли? У них нет тормозов, они прут вперёд, только и слышно от них: «Убить, убить, убить». Чёрное – это чёрное, белое – это белое, и

никаких других оттенков. Жуть.

Я читал работы некоторых психологов, которые изучают таких диванных вояк, и знаю, о чём говорю. Границы моральных норм реально стираются. Там, где другой остановится, не будет доводить до крайности, эти доведут. Потом, может, и пожалеют, но это будет потом. Сидя на диванах, они бахвалятся, а как до дела дойдёт – сразу руки вверх. Трусов, что любят бить в спину, среди нашего брата хватает.

Психологи выделяют шесть типов диванных вояк. Тип первый: ничего не знают, но всех поучают. Когда их припирают к стенке, обвиняют других в безграмотности или исчезают из сети. Таких большинство. Тип второй – любители. Интересуются, но с советами не лезут. Тёмные лошадки. Тип третий – неплохие историки, фанаты-реконструкторы. Таких немного. Четвёртый тип – тролли-амёбы. По жизни схожи. Пятый тип – агрессивные тролли. Самый опасный вид диванных вояк. Шестой тип – активные фанаты, за счёт которых форумы и существуют.

Я у тех психологов тесты проходил, на сайте были выложены. Три раза. Однозначно шестой тип. Все шесть типов агрессивны по ситуации. Одномоментно. Потом голову включают.

Погиб я, когда лежал на диване и, беря из тазика мытые сливы (привёз от родителей), смотрел новый боевик. Пиратскую версию. Телик был к ноуту подключён, смотрел с инета в режиме онлайн.

Подавился сливовой косточкой, рядом никого, ну и вот. Мучительная смерть, надо сказать.

Очнулся я в теле парнишки. Возраст не скажу. Не мальчонка уже, но и не парень, где-то между ними. Навскидку лет четырнадцать.

У меня была отличная жизнь закоренелого холостяка. Женщины мне попадались сплошь истерички, что ещё больше усиливало мои холостяцкие убеждения. Так я ни разу и не женился. Хватало романов да разных интрижек.

И вот я очнулся в сарае, лёжа на старой, прелой соломе. Произошло всё вечером, и, видимо, я пролежал всю ночь и очнулся с первыми лучами солнца. Меня

пробудил солнечный лучик, что через щель в стене светил мне прямо в правый глаз. Я сел, морщась и протирая глаза руками, поначалу не разбирая, что происходит.

Потом огляделся. Глянул на руки, на одежду… Десять секунд непонимания. Минута на осознание. Час на рефлексию. Тут надо отдать мне должное: пока носился по сараю, стеная и оплакивая себя, делал это тихо. Опасался привлечь к себе внимание. Я был заперт в сарае, а это что-нибудь да значило.

Вскоре открыли одну створку ворот. Подгоняя меня затрещинами, что отдавали в голову, заставили вынести колоду с парашей. Затем дали воды в глиняной крынке грубой работы и немного еды: зачерствевший хлеб, сухарь с плесенью с одной стороны да луковицу. Я всё мгновенно схарчил.

За это время я сумел примерно понять, где оказался – в императорской России. Я находился в поместье, где хозяйкой была местная барыня: её окликали, когда я парашу выливал в отхожую яму. А со временем определился, наблюдая за молодым офицером, подпоручиком, которого барыня с утра в дорогу провожала. Тот верхом ускакал, в сопровождении слуги. Форма у него приметная, с эполетами, да и кобура с револьвером тоже.

Такую форму носили до Русско-японской войны, но кобура однозначно с наганом, а его приняли на вооружение в тысяча восемьсот девяносто шестом году. В войска оружие бельгийского производства поступило в тысяча восемьсот девяносто седьмом году, пока револьвер готовились выпускать на тульском заводе, я это хорошо помню. Тульский оружейный завод начал выпуск наганов в тысяча восемьсот девяносто девятом году. Жаль, нет возможности глянуть, что за револьвер, – по времени бы определился.

Потом меня вернули в сарай и заперли. Это сделал дюжий мужик с окладистой бородой. Я по-прежнему не понимал, что происходит, почему парня (то есть меня) заперли и каков мой теперешний статус.

Решил провести время с пользой. Конечно, попадание мне не нравилось, однако делать нечего. Рефлексии я предавался вчера, а теперь нужно вживаться и выживать.

Для начала я себя осмотрел. Синяков разного срока давности на теле хватало, парня явно били, и часто. Но вроде не изувечили, в целом я в порядке, даже зубы все на месте, хотя в такое время это большая редкость. Возраст примерно лет четырнадцать, вряд ли больше. Волосы тёмные, шатен, нос на ощупь прямой, не картошкой, чуть полные губы, массивный подбородок уже в таком возрасте. Про цвет глаз пока сказать не могу. В общем, внешность должна быть нормальной, но пока не увижу своё отражение, утверждать не буду.

Одет я был в воняющую бомжами рвань – рубаху и перевязанные засаленной бечёвкой штаны с дырами в разных местах. Мне кажется, если эту одежду снять и прислонить к стене сарая, она останется стоять, повторяя форму моего тела. Парень что, не мылся? Явно же лето на дворе. Не конец, но и не начало. Июль, скорее всего. Трава уже начала светлеть, выгорая под лучами солнца, да и пылью покрыта. Да, думаю, июль.

Изучив себя, я начал искать. Что? Да ведь все попаданцы получают какие-нибудь умения. Ну, хотя бы пятьдесят процентов таких залётчиков точно. Больше часа я на это убил – и ничего. Ни вещи взглядом не поднимаю, ни сил, ни исцеления не прибавилось. Шишка как была, так и осталась. Из всех чувств – тупая ноющая боль в голове и постоянное чувство голода. Да и парнишка – скелет, сил в теле мало. Видать, нечасто мог нормально поесть. Из бродяг, что ли?

Я был вынужден с разочарованием констатировать, что являюсь обычным человеком. Может, что и есть, но я пока не нашёл. Ну и задумался насчёт побега. Изучил все стены, они были сложены из брёвен. Однако сарай был старый, покосившийся, балки наверху видно, крыша из досок и дранки. Если ночью тихо разобрать, то можно выбраться и утечь. Значит, ждём наступления темноты.

После завтрака прошло часа два. Я только лёг, когда моё внимание снова привлёк скрип дверных створок. Ещё обеда нет, а кому-то я понадобился. Я приоткрыл глаза. Что ж, узнаем, что за гости.

– Ну что, бегун, очнулся? – спросил, входя в сарай, неплохо приодетый мужчина. Он был выбрит, но с усами, в отличие от того, который приходил утром.

Тот, первый, на вид был настоящий крестьянин, босой, как и я. А этот и одет справно, и ремень у него с ножом. Однако ливрея слуги свидетельствовала, что к хозяевам поместья он не принадлежит. Слуга, и скорее всего, приближённый.

Одет он был в синие штаны, синюю ливрею с серебристой оторочкой по краям и в белую рубаху. На голове не было ни парика, ни картуза, ни шляпы. А у утрешнего бородача картуз был.

Я сидел, глядя исподлобья, и внимательно его рассматривал. Однако надо было что-то отвечать.

– Ты кто?

– Ты как разговариваешь с дворецким самой помещицы Стоцкой?! – разозлился мужчина.

Я бы сказал этому халдею, где его видел и на чём крутил, но благоразумно промолчал. Я пусть и диванный вояка, но всё же мозги имею и не кидаюсь на противника с пеной на губах. Тем более на реального, а не форумного. Там-то можно потроллить.

Зря я, похоже, так… Он, оказывается не один, за его спиной ещё двое, по виду – дворовые людишки. Крестьян тут нет, дворовые людишки к ним отношения не имеют. Один из них точно с конюшней связан: я его утром там видел, он офицеру коня подавал, да и ноги босые вон в навозе испачканы.

– Я ничего не помню, – сказал я, решив прибегнуть к запасному варианту. – Кто я? Где я?

– Да-а, сильно тебя Митроха рукояткой кнута приласкал, – с сомнением изучая меня, сказал халдей (я теперь мысленно буду так его называть). – Значит так, ты теперь из дворни помещицы Стоцкой. Куда бы тебя?.. Да вот, конюху пока помогать будешь, навоз вывозить с конюшни.

Халдей, имени которого я так и не узнал, вышел, а конюх, тот самый, Ноги в Навозе, махнул рукой: мол, следуй за мной. Куда второй из дворни подевался, я как-то не заметил.

Сама конюшня была чистой, конюх об этом заботился. Но за конюшней высилась целая гора навоза, так что работы было много. Мне выдали смирную лошадку и телегу для вывоза мусора. Сюда дворня, среди которой было в основном бабьё,

что сейчас с любопытством на меня косились, носила бытовой мусор. Ну, я и начал деревянными вилами (впервые такую прогу вижу) кидать навоз.

Конюх стоял рядом и чесал языком, ожидая загрузки. Я задавал наводящие вопросы, и постепенно мир вокруг меня приобретал материальность. Потом мы вывезли навоз за пределы имения, и я стал разгружать телегу, раскидывая его по полю возле речки. Вполне судоходной: по ней как раз, дымя трубой, шёл пароход с большими барабанами гребных колёс по бокам. Я уставился на него, открыв рот, за что и получил пенделя от Ноги в Навозе. Он-то к такому зрелищу привык.

Закончив разгрузку, я, с разрешения надсмотрщика (а как ещё называть конюха, который только лошадкой рулит и за мной приглядывает, указывая, что делать), я искупался прямо в одежде чуть выше по течению от места разгрузки, где был удобный спуск. Хоть вонь от одежды отбил.

На обратном пути одежда высохнуть успела, а когда мы вернулись, как раз обед наступил. Нам принесли рыбный суп в плошках, с кусочками хлеба. Я с жадностью набросился на еду. Порция была солидная, и я всё съел, но особой сытости не почувствовал: парнишка, похоже, часто голодал. А назвали меня Иваном, раз не помню себя и прошлого своего.

Вот что я узнал от конюха. Народ шибко умным стал после того как крепостное право отменили. Многие снялись с мест целыми семьями. И так получилось, что иногда дворянам не хватало рабочих рук. Что делали? Ловили бродяг и заставляли работать на себя за еду.

И вот два дня назад обоз под управлением халдея, возвращаясь в поместье из ближайшего городка, проезжал мост. Там халдей и увидел бродяжку, бывшего хозяина этого тела. А зная, что рук рабочих не хватает, решил прихватить его. Свидетелей нет. Свистнул подручным, те его и схватили. Бродяжка бежать хотел и получил по голове. После этого его положили в одну из телег под рогожу и потом по прибытии определили в сарай.

А там уже я очнулся. И похоже, не одного такого поймали: сарай явно для содержания пленных, будущих батраков-рабов подготовлен. Были до меня такие бедолаги, были.

Да уж, неприятные мысли. Но бежать я в эту ночь твёрдо намерен, хотя в курсе, что пока мне не доверяют, а значит, снова запрут в сарае, и с утра начнётся новый рабочий день. А причины бежать у меня были.

Итак, по основной информации. Сейчас июль (угадал я всё-таки) тысяча восемьсот девяносто восьмого года. Находимся мы недалеко от Нижнего Новгорода, ближе к югу – между Новгородом и Муромом. А река, на берегу которой мы навоз разгружали, – это Ока.

Конюх вообще оказался очень болтливым. От него я много о местной жизни узнал. Например, тот офицер-пехотинец – это сын боярыни, служит в Нижнем. Приезжал навестить матушку, он тут каждые выходные бывает. Ну, в общем, мусора словесного от конюха много, но ничего существенного его болтовня мне не дала.

Однако самое главное я узнал – это год. Заметили, что через неполные пять лет Русско-японская начнётся? Мне четырнадцать, а к началу войны девятнадцать будет. Подозрительное совпадение – как будто время на подготовку даётся. Я не фанат этой войны, но многое по ней знаю. Упущу ли такую возможность по участвовать в ней? Думаю, что нет. У меня даже, пока я на конюшне трудился (руки работают, а мозги-то не заняты), довольно стройный план нарисовался. Я хочу поучаствовать в ней. Чтобы я, с ником Терминатор-2000, и прошёл мимо?! Не бывать такому.

Однако в пехоту солдатом или простым матросом я не хочу, а именно это меня и ждёт с моим-то статусом. Как это изменить? О том, чтоб под дворянина рядиться, даже и думать не стоит: тут довольно серьёзная бюрократия, быстро вычислят. Нет, я придумал другой способ стать офицером (а я хочу участвовать именно офицером). Так я хоть что-то решать смогу.

И вот какая идея пришла мне в голову. Нужно поучиться в гимназии (придётся, я школу давно закончил и знания утеряны, одни обрывки остались), и поступить в училище на штурмана гражданского флота. Там по окончании обучения всех учащихся регистрируют в архиве военно-морского флота под званием прапорщика по адмиралтейству. Пусть «мокрым» прапорщиком буду, но хоть это.

Сейчас, на начальном этапе, нужно решить две проблемы: избавиться от рабства (а сейчас я прав не имею, раб и есть) и найти деньги. А деньги мне будут нужны, и много: нанять частных учителей, чтобы те подтянули меня, потом гимназия, после училище. Успеваю, если так посмотреть.

И да, есть ещё один минус: я сирота, родственников не имею, и, чтобы избежать возможных проблем, стоит найти опекуна. Желательно молодую, красивую, фигуристую вдову купца, охочую до молодых парней. Жаль, что это мечты, но помечтать-то можно.

Вот такие планы были. А пока весь день я работал. Работал серьёзно, фактически без отдыха. Три телеги навоза вывезли (половину кучи), остальное, видимо, на завтра. Меня ещё и к другим грязным работам привлекли, их на подворье изрядно было: коровник очищал от навоза, крыльцо усадьбы подметал. Вечером нас ещё раз покормили тем же рыбным супом, и, как начало темнеть, меня заперли в сарае.

Я серьёзно был настроен бежать, и поскорее. Конечно, неплохо было бы сперва отъесться, а то уж больно заморённое тело мне досталось, скелет ходячий. Но времени мало. Уже июль, к осени мне нужно раздобыть денег, найти опекуна и начать учиться. За зиму освоить весь материал гимназии, необходимый для подростков моего возраста. Дальше запишусь как пятнадцатилетний, поступлю в гимназию и буду учиться вместе со всеми. И хотелось бы устроиться или в Москве, или в Питере, но в столице жизнь дорогая. Училище штурманов как раз в столице, но по деньгам видно будет, где я поначалу жить буду. Эх, мечты, мечты.

Была и ещё одна причина для скорейшего побега. Сегодня мне ясно дали понять, каков мой статус здесь. Придрались к чистоте коровника: мол, плохо убрал, и дали плетей, халдей пять ударов назначил. Чёрт, это больно! Я орал от каждого удара. Думаю, так мне указали моё место, а уборка коровника была лишь предлогом.

Бежать стоит в сторону реки. Тут кругом земли боярыни, в основном поля. А с другой стороны реки лес вплотную стоит, переплыву – и с собаками меня не найдут. Я грибник опытный, лес знаю. Бежать стоит сразу, как стемнеет, причём ничего с подворья не брать. Ну сбежал батрак, и чёрт с ним, нового поймают. А вот если что пропадёт, с собаками будут искать, в полицию пожалуются, передав мои приметы.

А мордашка у меня, кстати, симпатичная (я изучил своё отражение в реке). Похоже, в предках у парня затесались дворяне. С крестьянскими детьми мало общего, хотя и среди них хватало тех, кто имел довольно неплохие черты. Длинный ряд селекции заметен: видать, помещик развлекался с дворовыми девками. Кстати, девки у помещицы ничего, я бы сам с ними на сеновале погрешил.

Как только дверь закрыли, я сразу метнулся в центр. Надо спешить. Небо заволокли тучи, на пыльную землю уже упали первые крупные капли дождя. Дворня радовалась: давно дождя не было, боялись за урожай, как бы не пропал. А тут, похоже, надолго зарядит. Это мой шанс.

Причём раз такое дело, то и в дом помещицы наведаться стоит. Так бы я не рискнул: найдут – забьют плетьми. Но дождь даст мне шанс уйти. Главное, тару бы найти, в которой добычу можно унести, не попортив водой. А что, я весь день на этих буржуев пахал. За одну еду? Хазер. Сам возьму, что мне нужно.

Капли дождя шумно барабанили по всему вокруг, и начавшийся ливень скрыл мои удары по дранке. В сарае была балка, я подпрыгнул, ухватился за неё и подтянулся, после чего лёг на неё и, дважды ударив стопами по дранке, выбил две трухлявые, подпорченные влагой доски.

Пролезть в дыру я смог без труда. Скатился на землю, ничего себе не поломав. Промок до нитки практически мгновенно, сразу после того как поднялся с земли после прыжка и кульбита. Осмотрелся. Я на удивление неплохо видел, хотя темнота была кромешная.

Побежал к зданию усадьбы, держась в стороне от будок с собаками. Те за день не раз гавкали на меня, как бы тут не подняли вой. Однако нет, и они прятались от дождя в своих будках.

Бежал осторожно: вдруг что острое на земле? А подвижность мне терять нельзя. Хотя повредить подошвы – это сложно, у парня они так набиты, что гвозди забивать можно. Но тем не менее берёгся. Дважды я чуть не столкнулся с дворней, которая торопливо прятала от дождя вещи.

Добежав до усадьбы, нашёл дверь чёрного входа. Она была не заперта: видимо, ею ещё пользовались. Скользнул внутрь. Вот тут пришлось постоять, ожидая, пока с меня стечёт вода, да и босые ноги на некрашеных досках разъезжались. Я был если и не как корова на льду, то близко.

В коридоре было светло, хотя никаких источников света я не видел. Только из-под дальней двери, снизу, пробивался свет, судя по дрожанию, от свечи, но слишком яркий, на мой взгляд. Хм, ночное виденье?

Догадка почти сразу нашла подтверждение. Через дверь с улицы в коридор скользнули две девчонки лет шестнадцати, мокрые насквозь. Хохоча, отжали косы и стянули платья, а кроме платьев, на них ничего и не было. Я вжался в стену и чуть слюной не подавился, рассматривая статные фигурки. Хм, у одной на груди (классная троечка) отчётливо видны засосы. Эх, жаль, не я на этом лугу пасусь.

Скосив глаза вниз, я мысленно вздохнул, стараясь в реале дышать через раз, чтобы девчонки меня не услышали. Выскользнул, зараза. Торчащий член красноречиво свидетельствовал о том, что девицы мне понравились, как и о том, что на моих дырявых штанах ещё и спереди была прореха.

Вообще я жутко комплексовал в прошлой жизни, что у меня небольшой «инструмент», хотя от подружек жалоб по этому поводу не было. Теперь я начал комплексовать ещё сильнее. Я, конечно, мечтал заиметь «инструмент» побольше, но не настолько же. Такой и представить себе тяжело – не полметра конечно, но близко. Где я под него партнёршу найду – вот проблема.

Раньше я опытом и умением брал. Специально одну вдовушку нашёл (это уже после армии было), и та два года давала мне уроки, реально, я даже платил ей за это. Она была моей первой женщиной, и даже после того, как она замуж вышла, ещё полгода мы активно встречались, пока она в другой город с мужем не укатила. И пришлось мне снова подругу искать. А я ленивый, расшевелить меня сложно. Через пару месяцев нашёл, та со мной аж три месяца продержалась. И снова поиск.

Опытным путём я выяснил, что с молодыми девахами сложно, хотя и среди них оторвы есть. Вот с теми, что чуть старше, к тридцати, – с ними интереснее и проще. Может, и тут мне это поможет? А девицы так меня и не увидели, хотя я в

двух метрах был, ушли голышом дальше, неся платья на руках, и скрылись за дверью. Их тут в коридор четыре выходило, и, кажется, обратная сторона лестницы была.

Я стоял в луже воды, что с меня стекла, и уже хотел было двинуть дальше, как дверь снова открылась. Вот хорошо, что я не закрыл её на засов, сейчас бы загрохотали по ней кулаки и всех бы на ноги подняли. В коридор, матерясь, вошёл тот халдей, его тут все уважительно и подобострастно называли Василием Ивановичем. Он командовал всеми слугами поместья.

Я снова вжался в стену, благо тот меня не видел. Слепо шаря руками и тихо матерясь, что не вынесли свечу, он встал у длинной лавки и начал снимать грязные сапоги: видать, не хочет оставлять следы. Зачем? Ведь всё равно девку какую пришлёт, она и отмоет. Ну и одежду верхнюю снял, ливрею, повесил её на гвоздь на стене. Она намокла, тяжёлой стала.

Я покосился на стоявшую в углу лавку. Она была короткой, на одного, но не табуретка (слишком низкая), а именно лавка. Когда халдей повернулся ко мне спиной, я сделал быстрый шаг, взял лавку в руку, и в два шага приблизился к халдею сзади.

– Кто тут? – дёрнулся он, но повернуться не успел: сидушка лавки обрушилась ему на голову.

Шумно получилось: и сам удар, и тот грохот, с которым его тело упало на пол, лицом вниз. Но вроде никто не обеспокоился. Замерев, я посчитал до десяти, после чего наклонился и быстро обыскал халдея. Самым ценным оказались сапоги и ремень с ножом. На ремне ещё два подсумка было, кожаных, наподобие кошелей. Ремень он сам успел снять, тот на лавке лежал, сапоги рядом стояли.

Я застегнул ремень на последнюю дырочку (для меня он всё равно был длинным), продел в него голову, надев наискосок через грудь, так, что он лежал на левом плече, свисая под правой подмышкой. Достав нож, я приставил острие к спине халдея, где сердце, и, мгновенно выдохнув, навалился грудью на рукоять, отчего клинок сантиметров двадцати пяти длиной весь вошёл в тело. Это тебе за рабство и плети. Мы, диванные вояки, – звери. Халдей дёрнулся, захрипел и замер. Мёртв.

Я плюхнулся на задницу и прислонился к стене, тяжело дыша. Отчего-то громко билось сердце, я весь покрылся липким потом, хотя и без того был мокрым от дождя. Только сейчас я осознал, что сделал, и никак не мог прийти в себя. Хотя понимал, что нужно поскорее встать, собрать хабар и бежать, иначе застукают тут, и совсем плохо будет. Чёрт, а как я в обычном форумном споре (подробностей приводить не буду) с пеной у рта доказывал, что нужно убить этих уродов… Теперь понимаю: убить не так и просто.

Собрав все свои силы, я посмотрел на рукоятку ножа. Но, поскольку я уже «развязался», протянул к ней руку и со второй попытки выдернул нож. Кровь плеснула на руки, я вытер их и нож об одежду халдея. С трудом сдерживая приступ рвоты, убрал нож в ножны и ещё раз обшарил тело. В карманах было пусто, так что прихватил сапоги (мой размер, не мой – не знаю, но продать можно, справные) и ливрею. Она большая, вместо одеяла в пути будет.

В глубину дома я идти не рискнул: всё же здание полно людей, даже на кухню не сунешься, куда сперва и хотел залезть. Поэтому я вышел, закрыв за собой дверь, накинул ливрею на плечи, как плащ, и побежал прочь.

Поместье не было огорожено, так что вскоре я уже бежал к реке по дороге, по которой днём мы возили навоз. До реки было километра два. Переплыл я её с помощью топляка, иначе ливрея бы меня на дно утащила – тяжёлая, зараза. Вскоре я вошёл в лес и двигался так всю ночь. И только с рассветом, когда ливень перешёл в мелкий дождь, повалился под ёлкой, где было сравнительно сухо, и почти сразу уснул.

Двигаться я решил в сторону Нижнего. Там железная дорога, с её помощью и доберусь до Москвы (начать решил с неё). Отдохнув, я осмотрел свои трофеи. Ремень, ливрея, сапоги и нож – это понятно. В кошелях я нашёл связку ключей; чёрт, тут и от кладовки, и от ледника (теперь поздно каяться, без еды остался), ну и разную мелочовку. Но главное, несколько медных монет, которых набралось почти на два рубля – рубль и восемьдесят три копейки. Богатый халдей, для тех времён сумма солидная. Хватит, чтобы приодеться на рынке в Нижнем, а дальше разберёмся.

К этому времени я уже убедился, что сверх умение у меня всё же было. Ночное зрение. Хм, и на войне пригодится, особенно во время ночных боёв. Попасть бы на миноносцы, ох я там развернусь. Эх, мечты, мечты…

До Нижнего я добрался только на вторую ночь. Питался рыбой и ягодами, собранными в лесу: нашёл неплохой малинник. Дождь к тому времени прекратился, солнце палило, за сутки всё вокруг высохло. Одежду и трофеи я тоже просушил. Ягоды понятно как добывал, а вот рыбу бил длинной лесиной, найденной в лесу. Река вообще была заметно полна рыбой, видел я и очень крупных рыбин. И вот раз десять бил и двух достал – крупных лещей. Оглушил их, сразу прыгнув за ними в воду, а потом пожарил на костре.

Откуда огонь добыл? В кошелях было огниво с кресалом и трут. Я просушил их в лучах солнца, как и другие вещи, и с третьего раза научился добывать искру и раздувать огонь в костре.

К окраинам Нижнего я вышел ближе к полудню. Я не знал, до какого времени работают тут рынки, но знал, что открываются они с рассветом. А потому решил поспешить и бежал бегом до окраины, а после и дальше по улочкам. Одет я был во всю ту же рванину, хотя и тщательно постиранную, а в кулаке зажимал узелок халдейского платка с монетами, тоже чистый, я и его выстирал.

Уточнив пару раз у прохожих, я выяснил, где находится рынок. И вот я на месте. Пока не заметно было, чтобы торговцы собирались уходить, но то, что основное время продаж прошло, было видно: уже не было особого ажиотажа и не слышны были зазывающие крики.

Я стал быстро двигаться между рядами. Многие торговцы поглядывали на меня настороженно, присматривая за товаром, вид мой им был подозрителен. У входа на рынок я купил два холодных пирожка с картошкой и полстакана молока – последнее, что не успела продать торговка. Ох, с каким наслаждением я поел! А то рыба, даже без соли, да ягоды – это не то. Хотя и это ел с жадностью, потому что есть постоянно хотелось.

Я не спал больше суток, старался двигаться ночами, осваивая умение ночного зрения. Там есть свои особенности: ночью цветов нет, всё чёрно-белое, хотя могу рассмотреть всё на горизонте, как днём. Вот и второй ночью я до рассвета двигался по лесам и полям, а как рассвело, решил рискнуть и дал рывок до города. Был я уставший, голодный, но времени терять не хотел.

Ну, голод на входе я слегка утолил, теперь займёмся тем, для чего я сюда вообще пришёл.

– Здравствуйте, – поздоровался я с мелким, с редкой бородкой торговцем, подходя к одному из прилавков, на котором кипами лежали штаны разных размеров.

– И ты здрав будь, – ответил тот степенно. Хотя, глядя на него, я скорее ожидал суеты и быстрых скороговорок. Есть такие люди: глянешь на него – и ясно, что он электровеник. Вот и этот из таких, а вот ведь удивил меня такой своей… медлительностью.

– Я в порту с разгрузкой помог, четыре дня работал, мне заплатили. Хочу одежду купить. Вы мне поможете подобрать штаны? Хорошие, крепкие, немаркие.

Торговец окинул меня профессиональным взглядом, на глазок определяя размер, и кивнув, сообщил:

– Тридцать копеек.

– Побойтесь бога! – тут же заголосил я. – Десять!

Торг шёл минут пять, и мы оба получили от него удовольствие. А что, я дважды в Египте был (турков не люблю, туда не летал), торговаться очень любил, что и делал с удовольствием, и с египтянами, и у нас на рынках. У египтян я все рынки обошёл, в основном там время проводил, а не на пляже. Через неделю меня там уже все знали, уважительно по имени называли. При этом других языков, кроме русского, я не знал, и ничего, это не мешало мне общаться и торговаться. Это мне от матери передалось.

Так что сторговал я штаны за восемнадцать копеек. Мотнув головой за прилавок, торговец пригласил меня пройти на примерку. Сначала он подал мне коричневые штаны, ничего так, широкие, но мне не понравились. А вот другие, чёрные, и материалом были получше, и пошиты куда качественнее, и имели эти – лямки? не знаю, как они называются, – куда ремень продевать, и два кармана спереди. Да и размер был мой. Вот их я и купил.

Наблюдая, как торговец убирает монеты в кошель, я поинтересовался:

– Не подскажете, уважаемый, где я могу ещё рубаху купить и заплечный вещевой мешок?

– Это можно.

Насчёт вещмешка он решил быстро: кликнул соседа, и тот принёс новенький, литров на тридцать. Двадцать копеек содрал, и торговля не помогла: за двадцать одну предлагал взять, всего на копейку сбил. Свои старые штаны я убрал в вещмешок, а новые надел, закатав до колен. Конечно, со старой рваной рубахой новые штаны не смотрелись, но это ненадолго.

Где рубаху брать, торговец мне тоже подсказал. Неподалёку матрона стояла, она швеёй была, свой товар продавала, у неё и рубахи, и штаны были. После недолгого торга я взял у неё рубаху серого цвета за шестнадцать копеек, которая вполне стоила этой суммы. Переодеваясь, я старался не поворачиваться к женщине спиной, где у меня ещё не сошли следы кнута. У неё же я взял неплохие белые кальсоны, а то как-то непривычно мне было без белья.

Торговцы передавали меня друг другу, как ценного клиента: мол, платёжеспособен, честен. Так что после матроны я у ещё одного купил чёрную кожаную жилетку, которая отлично шла к моей одежде, и ремень, чтобы штаны не спадали, а у второго – картуз, тут с непокрытыми головами не ходили.

И осталось у меня после всех покупок двенадцать копеек. Однако я не отчаивался, и с рынка первым делом направился к цирюльнику, где, отстояв очередь, попросил обрить меня налысо. Да, копна волос мешала, но не это главное, а вши. Тело мне вшивое досталось. Я, когда купался, даже нырял, задерживая дыхание на пределе сил, и сидя на дне, думал: может, передохнут? Да какое там. Хотя заметно меньше их стало, и чесался уже не так часто.

Цирюльник с брезгливой миной быстро обработал меня и содрал аж три копейки. Однако я уплатил без возражений и покинул цирюльню. Надел картуз – чёрт, на глаза спадает, теперь он мне не по размеру. Ну и ладно, зато лысую голову с расчёсами скрывает.

Сбив картуз на затылок, я поспешил к рынку. Там уже собирались, но я успел. Купил кусок солёного сала с чесноком, свежий, этого года, грамм на двести хватило, полкаравая хлеба и одну луковицу. Это всё.

Покачав головой – какой дорогой хлеб, я-то хотел целый каравай взять, – направился к окраине города. Там, на опушке леса, у меня были спрятаны мои трофеи, завтра утром на рынке буду их продавать. А сейчас – как же я хочу спать…

Утром следующего дня с полным вещмешком за спиной я вернулся на рынок. Было часов семь, но рынок уже давно работал. После вчерашних покупок я был прилично, по-городскому, одет, но денег не осталось, всё потратил, до последней копеечки. Вот и будем продавать трофеи.

Вчера я купил кусок дёгтя, и сегодня утром, позавтракав (доел и хлеб, и сало с половинкой луковицы), на костре на ветке растопил дёготь и оторванным рукавом своей бывшей рубахи навёл лоск на сапоги халдея. Ливрею я высушил и пригладил двумя нагретыми на костре камнями, она тоже на продажу пойдёт. Всё сложил в вещмешок. А свою рванину выкинул, больше она не нужна.

Сначала я прогулялся по рынку, посмотрел цены. Мне удалось за полтора рубля продать ливрею: очень она заинтересовала одного торговца, занимавшегося скупкой. Дорога не сильно сказалась на её внешнем виде, берёг я её. Ну и торговался, конечно. Торговец рубль давал, а я с трёх начал, в итоге на полутора остановились.

Выяснив цены на сапоги, не стал сдавать местным. Это ливрея заметна, но ведь я в городе задерживаться не собирался. А такие качественные сапоги около пяти рублей стоили.

Так что вышел я с рынка и прямо на входе, встав чуть в сторонке, начал их продавать, звонким голосом расхваливая товар. Время от времени приходилось возвращать сапогам блеск, чтобы в них, как в зеркало, можно было смотреться, а то пыль ложилась. Как известно, покупатели на всё яркое и блестящее кидаются.

Интересующиеся были, не без этого, и через час я продал сапоги одному горожанину за четыре рубля и двенадцать копеек. А начинал я с пяти, постепенно уступая, уж очень он торговался.

Положив деньги в кошель, а кошель – в вещмешок, я поспешил обратно на рынок. Там продал ремень с пустыми кошелями и нож халдея, уж больно они приметные. После этого первым делом стал искать себе обувку по ноге. Нашёл отличные чёрные полусапожки с мягкими голенищами. Тут же была и материя на портянки. Я в стройбате служил, у нас кирза была, так что, как наматывать портянки, на всю жизнь запомнил после первых кровавых мозолей.

Полусапожки были чуть больше по размеру, но я взял на вырост, также купил второй комплект портянок. Всё это обошлось мне в три рубля. Надевать не стал, убрал в вещмешок: ноги грязные, помою, тогда и надену. И носить нужно постоянно, снимая только перед сном. Я отметил, что ноги к обуви непривычны, буду привыкать.

Пообедав на рынке, я сбегал на берег Волги, где искупался. Отмыл ноги, сдирая мозоли на подошве найденным грубым камнем; часа два работал, пока результат меня не удовлетворил. Потом надел сапоги. М-да, походка изменилась, привыкать нужно.

После этого я уверенно направился в сторону центра города, к железнодорожному вокзалу. Хотел узнать, сколько стоит билет до Москвы, самый недорогой. Однако пока стоял в очереди у касс, услышал такое, что резко изменило мои планы на ближайшие дни. Кстати, самый дешёвый билет до Москвы, в плацкарте, стоил семьдесят пять копеек. Может, бывают и дешевле, но в наличии были только эти. Брать не стал.

Покинув здание вокзала, я рванул обратно на рынок. Планы точно меняются. Рынок я и так собирался снова посетить, но хотел сперва выяснить цены на билеты, чтобы знать, сколько можно потратить на покупки. А теперь-то уж что?

Первым делом пошёл к кузнецу, у него и его коллег был отдельный ряд. Этот кузнец меня знал: я ему в качестве материала продал ту связку ключей, найденную у халдея. Пусть всего копейку заработал, но хоть что-то. Вообще, это последний раз, как я пришёл на рынок, а то уже примелькался тут. Кузнеца я попросил продать мне ломик. У него на прилавке было несколько таких, с

гвоздодёром с одной стороны. Они меня при первом посещении удивили: не знал, что они уже есть.

Кузнец смерил меня подозрительным взглядом. Видать, товар неоднозначный: воры тоже их использовали. Но я лишь смотрел на него честным взглядом, и в конце концов он продал мне ломик за два рубля. Торг за него был долгий, цену сбить слабо получилось, но зато неплохой нож с ножнами я приобрёл почти задаром. Лезвие сантиметров пятнадцать, самое то в пути.

Нож и гвоздодёр я убрал в вещмешок. Жаль, ушёл запас денег, что я на котелок отложил. Жидкие блюда хотел готовить, супы, но средств уже не хватало. Я смотрел: трёхлитровый медный котелок семьдесят пять копеек стоил. За пятьдесят копеек я приобрёл неплохое одеяло из плотного материала, вместо ливреи мне будет во время сна. После этого приобрёл коробок спичек, тут это редкость, потому и дорого, и огарок свечи сантиметров пятнадцати.

Закупил также съестного: соль в туеске из берёзовой коры, грамм сто будет, каравай хлеба, шмат сала в килограмм, десять пирожков с картошкой (я их в запасную портянку завернул). Взял головку чеснока, пяток луковиц и бутыль молока. Причём бутыль выкупил: фляги нет, а воду в чём-то носить нужно. Бутыль была на полтора литра, с длинным горлышком, из прозрачного стекла, от какого напитка – не знаю.

На кармане осталось семь копеек тремя монетками, и я занялся делом. Мне нужна была некоторая информация, и я её получил. Да это просто было: уточнил у прохожих и выяснил, что нужно. Потом изучил мою цель со стороны, особенно подходы.

Закончив, рванул в сторону леса. Пообедав, я сделал лежанку из елового лапника и, скинув сапоги, завернувшись в одеяло, постарался уснуть. Не сразу удалось, поэтому я пробежался мысленно по своему плану.

Мой интерес был спровоцирован разговором двух купцов, который я подслушал на вокзале. Одеты они были дорого, видно, что не последние люди в городе. Один провожал другого, который ждал поезда, идущего в Казань. Ну и общались, причём один из них был довольно экспрессивен.

А услышал я, как этот нервный купец, явно переживая потерю, плакался знакомому, что сегодня заплатил губернатору пятьдесят тысяч ассигнациями за то, чтобы тот помог ему по одному делу. По какому, не говорили, но второй, видимо, и так знал, о чём речь, раз кивал да успокаивал: мол, в четыре раза больше возьмёшь потом на этом деле.

Что они дальше говорили, обсуждая жадность губернатора, я уже не слушал. Деньги! Те самые огромные суммы, что мне нужны! Мысль ограбить губернатора сама собой пришла в голову. Вот я и занялся подготовкой: закупил на рынке, что нужно, чуть позже обозвав себя идиотом: вот на черта мне свеча и спички? Я ещё не до конца осознал и принял свою способность к ночному зрению, вот и сработал стереотип о том, что подсветить потребуется. Ладно, и эта покупка тоже пригодится. Чуть позже, но наверняка нужна будет. Кому-нибудь.

Так вот, я изучил со стороны особняк губернатора. У входа стояла будка, в которой находился полицейский, что нёс охрану, да по территории (дом был на приусадебном участке) ходил сторож. Или дворник? Он с метлой был.

В общем, шансы есть. А пока стоит отдохнуть, набраться сил перед ночной работой.

С чего я взял, что деньги в доме будут? А где ещё? В банк он их вряд ли повезёт в конце рабочего дня. Скорее всего, в сейфе хранит, у себя в кабинете. Но даже если и нет, всё равно – другое что ценное будет, да и деньги наверняка тоже.

Вот такой у меня был план по личному обогащению, и никаких сомнений он у меня не вызывал, в том числе и с точки зрения морали. Губернатора ограбить я смогу легко, в любом смысле этого слова. Эти держиморды и так уже получили немало, сидя на хлебном месте. Пора делиться.

Ещё до того, как я узнал о губернаторе, я уже прикидывал, где добыть денег. Понятно, что много я не заработаю, поэтому украсть или ограбить – это единственный для меня быстрый способ получить нужную сумму. Если и будет меня мучить совесть, то недолго, ну и выбирать стоит тех, после ограбления которых эта самая совесть голову не поднимет.

Думал я и о революционерах. Коммунисты шестидесятых и дальше мне были симпатичны, неплохую страну построили, а вот этих фанатиков-бомбистов я

презирал, да и вообще их за людей не считал. Я не в курсе, когда к ним пойдут щедрые денежные вливания от иностранных агентов; мне кажется, позже; те сейчас сами бедны, как церковные мыши. Но я их всё же рассматривал как одно из средств обогащения. Ну и на втором месте чиновники-взяточники. Мне как раз о таком и удалось подслушать. Аж целый губернатор. Интересно, он шум поднимет? Если да, ор до небес будет.

Очнулся я от очень странного ощущения. Сев, мельком глянул на небо. Уже темнеть начало, вовремя встал.

Попытался осознать, что происходит. Ничего не понимаю. Вот я сижу на лапнике, отбросив полу одеяла, глядя на густые зелёные лапы ели рядом, и вот тоже я открытыми глазами гляжу на белёный потолок какой-то хаты. Какого хрена происходит?!

Я лёг на лапник и, прикрыв глаза, попытался сосредоточиться и разобраться в ситуации. Глаза у того меня, что лежал в хате (а пахло в ней, кажется, больницей), всё также были открыты.

Пошевелив руками, я сел, используя тело того, в хате, которая оказалась больничной палатой. Осмотрелся. На одной из коек пошевелился дедок и вдруг сказал:

– О, беспамятный очнулся. Седмицу ведь пластом лежал.

Мельком глянув в окно, где тоже уже темнело, я поинтересовался у дедка:

– Дед, скажи, где я? Кто я?

– Память, никак, отшибло? Ты в больнице для неимущих, которую построила купчиха Фёдорова. Она и сейчас её содержит. В Одессе мы. А тебя неделю назад принесли, голова в крови. В порту у складов нашли. Их грабили, вот на тебя лежачего полицейские и наткнулись. Пристав уже приходил, узнавал, пришёл ты в себя или нет. Думает, что ты из банды.

Информация была интересной, но обдумать мне её не дали. Вошла санитарка и, увидев, что я очнулся, срочно убежала за врачом, который проживал во флигеле рядом со зданием больницы. Оказалось, он отдал распоряжение звать его в любое время, как я очнусь.

Я ощупал голову. Обрили и тут, и повязка на голове. При свете ярко горящей свечи (хотя ночное зрение у меня и тут работало) я изучил себя в маленьком круг лом зеркальце, которое попросил у врача.

Паренёк, очнувшийся несколько минут назад, смирно сидел, пока врач осматривал его, а тот первый я, лёжа на лапнике, ржал каким-то нездоровым, нервным смехом:

– Попал! Вот попал так попал! В близнецов! Одно сознание на двоих! Альфа и Бета! А-ха-ха-ха!..

Надо сказать, что смех, перешедший в истерику, не мешал мне в то же самое время управлять и вторым телом. Оно ощущалось мной как родное. Ну, было одно тело: две ноги, две руки и одна голова, а теперь удвоилось всё. Немного сложно было с непривычки на два потока работать, управляя телами близнецов. Я также отметил, что сознание моё не стало в два раза мощнее, однако и деградации не было, не заметил, чтобы тупил. Это хорошо.

В течение тех двадцати минут, когда врач осматривал моего Бету, как я решил пока называть второго близнеца, я успел позавтракать и сложить вещи под лапником, служившим мне лежанкой.

После чего побежал в сторону города. При мне были только вещмешок с ломиком и нож на ремне, остальное я оставил. А что, планы отменять я не собирался. Тем более теперь, раз меня стало больше (пусть и странно это звучит), деньги стали ещё нужнее. Бросать второе тело я не собирался: не идиот, уже осознал, какое это преимущество.

Ха! Пока я ел, у Беты слюноотделение пошло и желудок забурчал. Это заметил врач и попросил санитарку принести с кухни что-нибудь поесть, несмотря на позднее время. Санитарка нашла лепёшку и кусок варёной морской рыбы, так что Бета поел и лёг, а вскоре и уснул.

А я отметил, что с каждой минутой мне всё легче и легче управлять обоими близнецами. Труднее принимать и осознавать, что у меня теперь два тела на одно сознание.

Я – Бета – во время осмотра врача, поставившего диагноз «амнезия», поинтересовался, когда меня выпишут, и тот сказал, что ещё несколько дней, около недели, я точно полежу, а дальше видно будет.

Так что деньги мне необходимы, поеду в Одессу за Бетой. Вот близнецов раскидало! Интересно: до того, как я вселился в их тела, они знали о существовании друг друга? Ладно, всё это, конечно, неожиданно, одна ко планы я уже чуть скорректировал и дальше по ним буду действовать.

Так я добрался до окраин города, после чего, стараясь держаться тёмных проулков, добежал до центрального района, где жили именитые люди и стоял особняк губернатора. Осмотрел со стороны территорию участка. Полицейский спал у себя в будке. И тут я мысленно выругался: о том, что на огороженную территорию ночами выпускают собак, я не знал. Но это меня не остановило.

Пришлось побегать по проулкам, и наконец, мне удалось поймать кота. Он орал так, что я не сомневался: кот и есть. Вернувшись к ограде, за которой глухо рычали собаки, я перекинул через неё кота. Не стоит думать, что на корм собакам, я же не живодёр какой. Там яблоня росла, ветви были не так и далеко, и мне хватило сил закинуть довольно тяжёлого кошака (ну ничего мельче мне не попалось!) на ближайшую ветку.

Собаки рванули к яблоне, одна из них повисла на ветке, вцепившись в неё зубами, и чуть не стряхнула кота. Кот держался молодцом: когда ветка под его тушей прогнулась, он рванул к стволу под лязганье зубов подпрыгивающих собак и мигом взобрался повыше.

Вот пока псы занимались любимым делом – охотой, – я отбежал чуть в сторону и быстро перебрался через ограду, едва не порвав при этом штаны, после чего метнулся к зданию. Собаки своим лаем шум подняли изрядный, из будки появился полицейский и маячил теперь у ворот, а из дома вышел старик в накинутом на плечи кафтане, держа в руках фонарь, внутри которого горела свеча, и, подслеповато щурясь, направился к источнику шума.

Вообще, мне просто повезло. Обычно дом губернатора охраняет десяток казаков, но хозяин поругался с местным атаманом и тот их забрал. Солдат гарнизона губернатор, видимо, сам не хотел брать, и нашёл альтернативу – вот этих собак. И надо сказать, метод неплох.

Старик вышел через чёрный вход, не парадный. И у него, между прочим, револьвер был в руке. Не рассмотрел модель, но не наган точно, длиннее. Значит, тоже в охране работает.

Через приоткрытую дверь я скользнул в дом. Как выбираться буду, пока не знаю, сейчас главное, что я в особняке.

Проходя мимо открытой двери, я заглянул в комнату и увидел четыре койки. На трёх спали, видать слуги, одна была пустая, одеяло откинуто. Видимо, старик вышел именно отсюда. Лай собак здесь был слышен глухо, но всё же различим.

Времени было мало, и я побежал дальше, стараясь ступать мягко и бесшумно, чему не очень способствовали кожаные подошвы моих сапожек. Так что крался на цыпочках. Вот и лестница на второй этаж, роскошная, широкая, украшенная, как во дворцах. В целом особняк имел довольно претенциозный вид, вполне возможно, что тут и балы устраивают.

Я стал проверять все помещения подряд, приоткрывая двери и заглядывая внутрь. В основном это были спальни. Кроме них мне попались будуар, курительная комната и, наконец, спальня хозяев, из которой доносился солидный храп.

Несколько дверей были закрыты. Я заглянул в щели под ними. Одна закрытая – это точно библиотека: полки с книгами видно. Возможно, она же и кабинет, однако находилась она далеко от спальни хозяев, почти в другом крыле. А вот другая закрытая дверь была рядом со спальней хозяев. Не это ли кабинет губернатора?

Ломать – долго и шумно. Я и подумал: а нет ли двери из спальни в кабинет? И что я сделал? Снял сапожки, убрал их в вещмешок, закинув его обратно за спину, чуть приоткрыл дверь спальни и осторожно скользнул внутрь. С этой стороны двери скрывали тяжёлые портьеры. Хозяева спали; у губернатора, оказывается, супруга была.

Осторожно ступая, я подошёл к двери, расположенной в стене со стороны соседней комнаты, подозревая, что это и есть кабинет. Ура, она оказалась не заперта. Приоткрыв её, я заглянул, убедился, что это кабинет и есть, и взгляд мой сразу приковал стоявший в углу массивный сейф. Ножки его были отлиты в виде львиных лап. Хм, гламурненько.

Адреналин во мне начал бурлить, ещё когда я через ограду перелезал, сейчас накал постепенно снижался и начались тремор рук и потоотделение. Оказалось, такие дела сильно влияют на нервную систему: вон как меня нервная дрожь бьёт.

Прикрыв за собой дверь, я прошёл к столу, положил вещмешок на столешницу, сел на стул с мягкой подушкой и высокой прямой спинкой и замер, делая глубокие бесшумные вдохи. Нужно успокоиться, иначе я сейчас в таком состоянии просто ни на что не буду способен.

Тут ещё Бета из-за моего волнения проснулся. Пришлось сгонять его в туалет; тот находился на улице, но ничего, тепло, прогулялся туда и обратно и снова лёг спать.

Чтобы прийти в себя, мне потребовалось порядка десяти минут, но теперь я точно успокоился. Взяв лежавший на столешнице ломик, подошёл к сейфу. Хм, заперт, конечно, и курочить его моим ломиком смысла нет: всех перебужу. Так что нужен ключ. Где бы я стал его хранить? Нет, на цепочке, на шее вряд ли: я посмотрел, замочная скважина большая, ключ массивный, доставлял бы неудобства губернатору. Нет, ключ где-то тут. Будем искать.

Ящики рабочего стола губернатора были частью закрыты, частью открыты. Закрытые я смог открыть ломиком, и осмотрел все вещи на предмет ценности и нужности для меня лично.

В вещмешок ушли две тысячи ассигнациями и небольшой мешочек с серебряными монетами. Также среди находок были золотые часы, не имевшие никаких надписей, кроме оттиска производителя, – Буре. В общем, золотые и безликие, взять можно. Они были в коробочке, явно подарочные. Потом я нашёл ещё одни часы, уже серебряные, да ещё с цепочкой. Карманные часы – штука нужная, секундные стрелки у обоих были, прибрал и те, и другие.

Нашёл также кожаный футляр с маникюрным набором, германской работы. Ногти мне давно стричь пора, я ножом халдея подрезал, да только криво, заусенцы нужно убрать. А тут всё есть, даже помазок, бритва и настольное зеркальце. Тоже в сумку, вещь нужная. Мелочовки в столе вообще было много, но всё не то. Значит, надо искать тайник.

Я стал обшаривать всё, час убил, а помог мне случай. Сев в кресло и проведя пальцами по столешнице, я вдруг сдвинул планку. Наклонившись, толкнул пальцем дощечку и увидел нишу, а в ней ключ, как раз по размеру сейфа вырезан. Грубая работа. Неужели сам губернатор делал? Достал ключ, проверил, и тот подошёл. У меня как камень с плеч рухнул: я уж думал всё, ни с чем уходить придётся.

Сразу нараспашку открывать дверь сейфа не стал, сначала чуть приоткрыл, проверил: мало ли, сигнализация. Нет, понятно, что тут это вряд ли есть, но протянуть леску к колокольчику в соседней комнате могут. Оказалось, чисто. Так что, открыв дверцу, я чуть не захохотал в голос, и быстро освободив вещмешок, стал укладывать в него пачки с деньгами.

И тут же замер от шума в соседней комнате, спальне хозяев. Подкравшись к двери, прислушался. Услышал журчание и мысленно хмыкнул: кому-то ночью на горшок захотелось.

Вернувшись к сейфу, продолжил заниматься приятным делом. Денег было немало, где-то сто с лишним тысяч точно. Несколько пачек, примерно тысяч на пятьдесят, лежали отдельно. Видимо, это те самые деньги, которые губернатор получил вчера от купца. Именно вчера, время уже полвторого ночи.

Были в сейфе и акции, и шкатулка с драгоценностями, но я их не брал, меня интересовало только безликое – то, по чему меня не смогут отследить. Обнаружив ещё две коробочки с часами (видимо, их губернатору часто дарят), я их забрал, как и мешочек с золотыми червонцами. Тяжёлый мешочек, тут монет двести будет, я так думаю.

Что меня особенно заинтересовало, так это лежавший на полке револьвер. Кобуры не было. Я его проверил – заряжен. Это был шестизарядный русский револьвер системы Смита – Вессона, 4,2-линейный, уже снятый с вооружения армии и флота. А я ещё удивлялся тому, что в столе нашёл средства для чистки

и пузырёк оружейного масла. Их я тоже забрал.

На уложенные в мешок пачки денег я положил мешочек с монетами и остальные трофеи, сверху – револьвер, а под него – бумажные пачки с патронами. Меня заинтересовало то обстоятельство, что сотня патронов была именно к найденному мною револьверу, а ещё семьдесят пять штук были для нагана, но ни в сейфе, ни в столе я его не нашёл. Может, под подушкой у губернатора? А что, вполне логично. Патроны все забрал, к нагану тоже.

Завязал горловину вещмешка, закинул его за спину и с ломиком в руке подошёл к двери, которая вела не в спальню, а в коридор. В одном из незапертых ящиков стола я нашёл связку ключей. К сейфу они не подошли, а к двери – вполне. Стараясь не шуметь, щёлкнул замком, вышел из кабинета, снова закрыл дверь и поспешил вниз. Во второй руке я нёс сапожки, внутрь которых убрал портянки.

И надо же такому случиться, что, спустившись вниз, я столкнулся с тем самым старичком. Хорошо, тот меня не видел: в темноте, шаря по стене руками (фонарь потерял где-то, что ли?), он шёл к двери в спальную комнату, где была его койка. Подумав, я подкрался и приголубил его ломиком. Старался аккуратно. Пусть это мой первый опыт (ещё не доводилось оглушать людей), но вроде получилось. Едва успел подхватить его, положил на пол.

За ремнём у него я обнаружил брата-близнеца того револьвера, что лежал у меня в вещмешке. Забрав его, сунул за свой ремень. В кармане у старика нашёл с десяток патронов (их тоже прибрал) и кисет с махоркой, который меня не заинтересовал, но всё же я его взял.

Подумав, я надел сапоги, сунул ломик в вещмешок, который повесил на груди, и, с трудом закинув старика на закорки, шатаясь, вышел из дома. Собаки меня не тронули. Кружили рядом, подходили, нюхали меня, тыкались в ноги носами, но старик, которого я уже тащил волоком, служил мне живым щитом. Как я и думал, собаки не трогали тех, кто был рядом со стариком.

Так я добрался до ограды, где и оставил старика. Он зашевелился, приходя в себя, глухо застонал, и я мигом перелетел на ту сторону и рванул прочь. Ё-моё, неужели получилось?! Сам себе не верю.

Свои следы я не забывал щедро посыпать махоркой. Знаю, что в таких случаях лучше мешать её с чёрным перцем, но чего нет, того нет. Пока добирался до места лёжки, часть пути прошёл и по воде, чтобы окончательно сбить собак со следа.

Добравшись до места, я собрал оставшиеся вещи в узел из одеяла и, закинув его за спину, к вещмешку, рванул прямо по дороге в сторону Москвы, прочь от Нижнего. Рисковать, оставаясь тут, я не мог. Поднимет шум губернатор или нет – уже не столь важно, я тут и так слишком примелькался.

Бежать было трудно. Немощное тело постоянно требовало отдыха, мучила одышка, узел из одеяла выворачивал руки, но до рассвета я отмахал километров десять от Нижнего. Нашёл подходящее место для днёвки, обустроил лагерь, поел и вскоре уснул. Сало – очень калорийная пища; надеюсь, что быстро наберу массу, да и в пути тоже не отдыхать буду, телом нужно серьёзно заняться. Такой недокормыш! Точнее, теперь уже два недокормыша: Бета мало чем от Альфы отличался, и мне это не нравилось.

Выспался я отлично. Никто меня не нашёл, я ведь от дороги довольно далеко отбежал и забрался в самую чащобу.

Вообще, после побега из имения помещицы бродяг я не видел, но в Нижнем Новгороде их хватало. Не так много, как будет лет через двадцать, после революции, там они вообще всё заполонят, но всё же были. А для таких бродяг я лёгкая добыча, особенно если свидетелей нет. Так что желательно иметь хорошее укрытие, чтобы спокойно спать, а двигаться по ночам. Да, оружие есть, но если на тебя во сне навалятся, про него можешь и не вспомнить, так что я перед сном ещё колючками обезопасил свою лёжку вокруг.

Проснулся часа в три дня – полдень, считай. Река недалеко, сбегал умылся, искупался, заодно воды набрал в бутыль (молоко-то выпил) и, вернувшись, сел завтракать. Доел хлеб и пирожки, от сала треть осталась. Я не экономил на еде.

Дождался темноты и побежал дальше. Двое суток был в пути. В деревне по дороге прикупил ещё еды. Станция Станция в этой деревне была проходная, тут пассажиров не брали, а вот дальше, в крупном селе я приобрёл билет в вагон третьего класса до Москвы.

Поезд отправлялся сегодня вечером, вид у меня был неплохой, не успел в дороге поистрепаться за эти дни. В ожидании поезда я прошёлся по лавкам, рынка в селе почему-то не было. Ходил налегке, всё ценное спрятал за городом, из оружия при мне был только нож, а кроме того небольшая сумма денег. Билет стоил мне аж рубль и двадцать две копейки. Пусть вагон третьего класса с четырёхместными купе, но всё же с жёсткими диванами и полками. Это максимум, что мой статус позволял мне взять.

В одной из лавок я приобрёл дорожную сумку – такой недлинный баул на завязках. В другой – нормальную двухлитровую фляжку, пусть из кожи, но хорошего качества, а также трёхлитровый котелок с крышкой, две кружки, две глубоких тарелки, две ложки и вилки. В трактире купил чайной заварки, рисовой крупы, десяток луковиц, пачку соли, два килограмма солёного сала, каравай хлеба и два десятка пирожков.

С сумкой пробежался за город, переложил по вещ мешку и сумке все вещи. Добычу так и оставил в вещ мешке, только одеяло сверху сложил и на него револьвер. В сумку положил еду и вторую единицу оружия. После чего вернулся в село, избежав внимания полицейского, бывшего тут, и в здании вокзала стал ожидать поезда.

За это время я активно развивал связь с Бетой. Не разговаривал – о чём разговаривать с самим собой? Просто осваивал управление и этим телом тоже. Сложно объяснить, но я как будто и там, и тут находился, причём никакого диссонанса при этом не испытывал, всё было так, как будто так и нужно. В первое время, конечно, непривычно было, а потом так освоился, что и сам перестал замечать, что двумя телами одновременно управляю.

Бета всё также находился в больнице, проходил осмотры и лечился. Еда в больнице скудная, но от голода не помрёшь. Меню в основном рыбное, что не удивительно – рядом море. Три раза в день кормят – и то хорошо. Хлеба не было, пекли лепёшки из отрубей.

За эти трое суток с момента, когда узнал, что у меня второе тело есть, я вполне неплохо освоил одновременное управление обоими. И надо сказать, что пока мне всё нравилось. Четыре руки и четыре ноги, да ещё разделяться можем. Чёрт, да это здорово! Но пока нужно соединиться.

В купе нас было четверо: я и двое купцов, один из которых с супругой. Та всё муженька пилила, что не смог достать билеты в мягкий вагон второго, а то и первого класса, а взял что было. Мы познакомились. Все ехали в Москву. Я уже придумал легенду. Гимназист, еду после каникул у бабушки домой, в Москву. Нормально легенда прошла.

Ехали мы больше суток и прибыли в Москву утром. Дорога прошла благополучно, я в основном читал газеты, которые закупил в селе, изучая местный алфавит, вводивший меня в уныние (ну не разбирался я во всех этих ятях), и местную жизнь, о которой писали в газетах.

Бета всё так же лежал, отдыхал да принимал пищу, ему пока был прописан постельный режим и покой. Один раз за это время его посетил врач.

В пути я питался своими запасами. Вообще, у нас был общий стол на четверых, только чай у проводника заказывали. Меня угощали отварной курочкой, свежим душистым хлебом. Так и доехали.

После прибытия я вышел в город. Все экипажи и пролётки уже разобрали, но я поискал на улочках и нашёл один свободный. В Москве я решил не задерживаться, но сначала нужно было освободиться от багажа. Не стоит рисковать и возить всю добычу с собой. Решил всё в лесу спрятать. Возница пролётки, остановленной мной, отвёз меня за город.

В лесу я долго, больше двух часов, искал дупло. Вот подняться к нему было сложно, не догадался я заехать на рынок и верёвку купить. До нижних ветвей было не допрыгнуть. Пришлось искать тонкое поваленное дерево, подрезать его, тащить к найденному месту, ставить лесину и по ней забираться наверх. Наконец вся добыча в схроне, со мной всё так же сумка и вещмешок, и я, уже пешком, направился обратно в Москву. По пути меня подвёз крестьянин на телеге.

Первым делом я пошёл на Киевский вокзал, который тут почему-то назывался Брянским (видимо, не успели отстроить новый), и купил билет до Киева; там уже приобрету прямой до Одессы, тут не продавались. Поезд отходил завтра, вагон третьего класса, купейный.

Купив билет, я покатил в трактир, снял там комнату, уплатив сразу, заказал обильный обед и приступил к приёму пищи.

Будучи в Москве, я успел найти неплохого портного, который шил даже для дворян, и заказал пошить мне костюм, причём в двух экземплярах. Его соседу, сапожнику, заказал туфли. Оставил обоим аванс, сообщив, что уезжаю за город, буду через неделю, может две, так что время на пошив есть.

Это пока всё. Я имел при себе едва тысячу рублей, один револьвер да припасы. Всё остальное своё имущество оставил в дупле.

На следующий день я отбыл в Киев. Поездка оказалась интересной. До Киева-то ничего особенного, а вот когда мы тронулись из Киева в Одессу, то через три купе от моего я обнаружил молодого парня, лет двадцати пяти, в форме моряка торгового флота. Он оказался штурманом, служил в пароходстве КВЖД, на Дальнем Востоке, во Владивостоке, а сейчас ехал с супругой навестить родных.

Вот я к нему и подсел, объяснил, что хочу поступить учиться на штурмана. И поинтересовался: как там всё и что вообще нужно? и правда ли, что можно прапорщиком стать?

– Учиться на штурмана гражданского флота сложно. Это больная тема для России: качество обучения оставляет желать лучшего, – вздохнув, пояснил он. – Эти школы моряков были созданы с разрешения государства, но без его поддержки. Думаю, ты можешь понять, что на деньги граждан приобрести хорошие учебные пособия и нанять достойных преподавателей очень сложно, да и учиться туда шли не те, кому это нужно – дети моряков или сами моряки, – а случайные люди, желающие только получить диплом. Качество обучения крайне низкое, все его ругают.

Поэтому вот мой совет: езжай в Санкт-Петербург. Тебе нужны классы штурманов дальнего действия, только таким штурманам дают звание прапорщика и вносят в реестр. Я, кстати, тоже прапорщик в запасе. Именно в столице дают неплохую базу. Вообще, хороших преподавателей найти сложно. Но я сам там учился и знаю, что туда иногда заходят опытные капитаны торговых судов и делятся опытом. Мне это не раз пригодилось.

– А если нанять отставника, что сошёл на берег по возрасту?

– Так тоже многие делали и, к слову, были лучшими на курсе. Обучение в школе длится три года: первый подготовительный и два уже по специальности. Летом каждого года нужно самостоятельно искать судно для практики, без неё обратно в школу не примут и не дадут учиться дальше.

– Суровые правила.

– Раньше вообще не принимали, пока пять месяцев не отслужишь простым матросом. Сейчас отменили, и моё мнение – зря. Учёба платная, я двенадцать рублей за год платил, как сейчас – не знаю. Наш курс уже лет шесть как выпустили.

Вот так я и собирал информацию. Главное, что я понял: это вполне возможно.

На рынках Киева я приобрёл одежду для Беты, похожую на мою, в том числе и сапожки, чтобы было во что его одеть. Единственное, что меня беспокоило всю дорогу, – к Бете начал ходить пристав и склонять его к признанию, что парень состоит в банде. Видимо, где-то на стороне он информацию получил; может, кто-то из подельников Бету сдал, но пристав твёрдо был уверен, что Бета – малолетний бандит.

Однако я – Бета – отвечал ему, что я не я и собака не моя, не помню ничего. Жизнь сначала начинаю, с чистого листа. Пристав пока вроде отстал, но всё равно нужно валить отсюда. Бета уже потихоньку ходит под моим управлением, делает гимнастические упражнения, развивает тело. Но это максимум: врач запрещает нагружаться, всё же травма головы.

В Киеве я провёл восемь часов между прибытием и отправкой. А до Одессы добрался за пять дней, если считать от Москвы.

Первым делом направился в кассы, чтобы приобрести билеты обратно до Киева. Ага, как же. На неделю вперёд всё раскуплено. Выяснил по билетам в мягкие вагоны, там та же беда. Узнал, что ближайший поезд отправляется вечером, и махнул рукой на билеты: договорюсь как-нибудь с проводником.

После этого я направился к больнице, где лежал Бета. Бета в это время под видом посещения туалета покинул палату и направился к этому скворечнику, у

которого курили несколько крестьян, у двоих руки в лубках были, видимо, сломаны. Он обошёл каретный сарай, где стояла старая санитарная повозка, и с разбегу вскочил на невысокий забор из песчаника.

На той стороне его ждал я – Альфа – и помог ему аккуратно спуститься. Быстро выдал ему кальсоны и штаны, которые он надел под длинную больничную рубаху. На улице свидетели были, на нас глазели, но шума не поднимали. Сняв больничную рубаху, Бета перекинул её через ограду: чужое нам не нужно, для других бедолаг пригодится. В рубаху я завернул банкноту в десять рублей, это такое моё спасибо. После чего Бета надел купленную мной рубаху и застегнул ремень, и мы быстро пошли прочь.

Сперва мы пошли к морю, оно тёплое было, накупались вдосталь. А после оделись и отправились на вокзал. К счастью, никого из знакомых Беты, которые могли бы его опознать, мы не встретили. Я нёс вещи, Бета шёл налегке, ему пока тяжести лучше не носить, да и вообще, отлежаться бы месяц. А после можно будет начинать тренировки, я уже расписал, что нас обоих ждёт.

Поезд скоро должен был отправляться, а нам ещё нужно было договориться с проводником. Проводник нам попался алчный: я десятку предлагал, но договорились за пятнадцать рублей. Неслабые деньги для проводника, это примерно его месячный заработок, если не меньше. Так в его служебном купе и поехали в Киев. В основном спали, делать-то нечего.

В Киеве удалось взять билеты, хотя и в разные вагоны, и уже на нормальных местах мы доехали до Москвы.

Что по планам, то они чуть дополнились. Прежде всего, конечно, опекуна найти, или лучше опекуншу, она поможет мне в двух телах легализоваться, документы получить. Потом нужно будет нанять учителей и пополнять свои знания. На это придётся потратить год и после сдать в гимназии экзамены за последний класс. Так что с учёбой в гимназии мы пролетаем. Экзамены семнадцатилетние сдают, нам шестнадцать будет. В метриках попрошу записать, что сейчас нам пятнадцать.

Найму штурмана, и будем впитывать знания. Желательно заняться верховой ездой и обязательно записаться в тир, чтобы научиться хорошо – нет, даже не хорошо, а отлично – стрелять из любого оружия, включая винтовки. Научиться

рубиться на шашках, или морских тесаках, чтобы мы не смотрели на эти клинки как бараны на новые ворота.

Ну и найти учителей иностранных языков, к Русско-японской минимум два знать нужно. Английский обязательно, ну и можно французский, на японский я не замахиваюсь.

После сдачи экзаменов в гимназии, едем в столицу и поступаем в морскую школу, в классы дальнего действия. Если получится пролететь подготовительный класс и поступить сразу на второй курс – отлично. Но это будет зависеть от того, чему нас штурман научит, удастся нам сдать зачёты и экзамены или нет. В принципе, если поступим в следующем году, в тысяча девятисотом, то считай, три года учёбы – и летом тысяча девятьсот третьего у нас будет выпускной.

Дальше едем на Дальний Восток и устраиваемся в какое-нибудь пароходство, не во Владике, а в Порт-Артуре. И там несколько месяцев, до начала боевых действий, изучаем местные воды, набираясь опыта у опытных капитанов. Вот такой план. Дальше по ситуации.

В Москву поезд пришёл с опозданием на два часа, нам не объяснили почему. В дороге что-то случилось, и мы долго простояли на полустанке.

После прибытия я сразу направился в трактир и снял двухместный номер, оплатив неделю вперёд. Потом сразу в баню (тут рядом с трактиром бани были и они как раз работали), потом ужин в обеденном зале, и наверх, спать. Дорога оба моих тела укатала, нужна передышка. Всю одежду перед сном отдал прислуге; вернут утром отстиранной и выглаженной, на сапожки лоск наведут.

Чистая одежда на чистом теле – как же это приятно. После завтрака я разделился, не испытывая при этом никаких проблем. Бета направился к врачу, о котором я узнал от трактирщика: мол, хвалят, молодой, но уже зарекомендовал себя. Бете ещё в Одессе удалили швы, но посетить врача всё равно стоило.

Альфа же направился собирать информацию и решать насчёт опекуна. Не стоит с этим тянуть, нужно побыстрее легализоваться, чтобы начать учёбу. И знаете,

сам я ещё тот лентяй, а уже хочу учиться. Оторвавшись от Всемирной сети и перестав обрабатывать массивы информации, что было для меня как наркотик, я серьёзно стал задумываться, чем бы занять себя. И учёба, на мой взгляд, отличное средство для этого, да и планам моим вполне отвечает.

Так, Бета уже нашёл врача, сидит в очереди. У врача свой кабинет, он арендует квартиру, где и ведёт приём.

А я начал с полицейских. Кто знает свой район лучше всех, как не эти городовые, что дежурят на перекрёстках города?

– Доброго дня, – поздоровался я с одним плотным усачом с саблей на боку. – Мне нужна некоторая информация. Я отблагодарю.

В руках у меня мелькнула серебряная монета в пятьдесят копеек – половина рубля. К сожалению, в такой одежде, как у меня, более крупной суммой светить не стоит, сразу могут под руки взять: мол, откуда деньги? А пятьдесят копеек подозрений вызвать не должны.

Городовой заинтересовался, приподнял одну бровь, глядя на меня.

– Я слушаю, сударь, постараюсь помочь, если это в моих силах.

– Мне нужна информация о вдовых купчихах, желательно посимпатичнее. Таких, которые всё потеряли, находятся в нужде и будут готовы принять обеспеченных сироток.

– Хм? – Городовой задумался, и похоже, серьёзно, однако довольно быстро вспомнил: – Есть купчиха Баталова. Муж её, купец второй гильдии, умер два года назад. Детей им бог не дал. Делами её занимался управляющий, но он, стервец, распродал все лавки и сахарный заводик и пустился в бега. До сих пор ищут. Бедует Анна Васильевна, дом продавать хочет – последнее, что у неё осталось. Слуг уволить придётся, а ведь они в их семье несколько десятков лет служат…

– Это всё?

– Что знаю в моём районе.

– Благодарю, – пожал я ему руку, передавая монету.

Узнав у городового адрес вдовы, я направился обратно к трактиру и по пути встретил Бету, направлявшегося туда же. Врач его смотрел, сказал, что всё идёт хорошо, велел зайти через пять дней. Посещение врача обошлось в двадцать пять копеек, но дело нужное, не жалко.

Встретившись с Бетой, я решил не идти в трактир, а направился к портному. Тот мне обрадовался и удивился, увидев Бету за моей спиной. Однако костюмы были пошиты, и на все примерки у нас ушёл час. Обувь тоже была готова. Осмотрев Альфу глазами Беты, а Бету глазами Альфы, я остался доволен.

Закинув узел со старой одеждой и обувью в номер трактира, мы свистнули пролётку и покатили по адресу купчихи Баталовой. Хорошая фамилия, мне нравится. Я уже подобрал нам с Бетой имена. Я так и останусь Мартыном, мне моё имя и в прошлой жизни нравилось, а Бета пусть Михаилом будет, тоже нормально.

Сам дом был неплох, в хорошем районе, но видно, что слегка запущен. Должно быть, у Баталовой действительно проблемы.

Встретила нас пожилая экономка. Выслушав нашу просьбу о встрече с хозяйкой, она вышла в другую комнату сообщить о гостях. Ну а когда нас проводили в гостиную, где ждала хозяйка, я мысленно обругал городового. Вот ведь подстава.

Вдова купца Баталова оказалась небольшой сухонькой старушкой, лет шестидесяти на вид. Глаза покраснели, веки набухли. Видно, что недавно или слёзы лила, или переживала. Сейчас же она настороженно смотрела на меня. За её спиной стояла служанка, встретившая нас с Бетой.

Я всё ещё отождествлял себя с Альфой, хотя это глупо, ведь я один в двух телах. Но мне так комфортнее было.

Мысленно махнув рукой – старушка всё равно мне подходила, – я поздоровался, представил нас с Бетой по именам и сразу перешёл к делу.

– Так получилось, что мы с братом – сироты, а в наше время сироты всегда под присмотром. Мы не хотим в приют или ещё куда. Мы достаточно обеспечены, чтобы самим выбирать, как и с кем жить. Наш выбор пал на вас. Я бы хотел попросить именно вас усыновить нас с братом.

– Вы узнали, в каком положении я оказалась?

– Да, уважаемая сударыня, именно так.

– Можете обращаться ко мне Анна Васильевна.

– Хорошо. Скажу прямо, Анна Васильевна. Нам необходимы документы, и ваша фамилия вполне нам подходит, отчество можем взять вашего супруга. Мы готовы взять на себя ваше содержание, закрыть долги и даже приобрести доходные лавки, чтобы было на что жить. А также выдавать каждый месяц сто рублей на наше содержание. Даже можем платить вам зарплату опекуна, например, пятьдесят рублей.

Планы у нас с братом большие. Мы хотим нанять частных учителей, хороших и опытных, за год изучить всю учебную программу гимназии, сдать в следующем году экзамены и получить аттестат. А после этого осуществить свою мечту – стать профессиональными моряками. Военная служба нас с братом не интересует, мы хотим стать штурманами и шкиперами гражданского флота. Учиться мы будем в столице, три года. Вот такие планы.

– Вы интересные и целеустремлённые юноши. И знаете, вы мне нравитесь. Но у меня есть личная просьба.

Выслушав хозяйку дома, я заверил её, что проблем нет, выполним.

После этого мы заключили соглашение. На свободу нашу она не покушается, сыновьями мы будем чисто номинально, но против проявления нерастраченной материнской любви не возражаем. Особенно обговорили местную веру (больная тема для меня, я атеист по жизни), пояснив, что в бога мы верим, но посредники

в виде попов и священников нам не нужны – бесят. Для виду ещё можем пару раз в церковь сходить, и всё. Та повздыхала – явно набожной была, – но приняла наше объяснение. Ну и насчёт невест тоже не думать, до двадцати пяти лет никаких невест и свадеб.

После этого я отдал пятьсот рублей из той суммы, что при мне была, Анне Васильевне, потому что у той действительно нужда была, и деньги требовались срочно. В первую очередь она решит самые острые проблемы и вернёт слуг, которых вынуждена была уволить.

А просьба у неё была не обременительной: найти бывшего управляющего. Просто найти. Дальше она уже сама натравит на него полицейских, чтобы ей всё вернули по закону. Я уточнил, есть ли у него родственники, и оказалось, что тут, в Москве, у него семья, тоже по торговому делу. Вообще, родственников у него хватало, полиция не раз их опрашивала.

Выяснив этот момент, я заверил Анну Васильевну, что эту проблему я решу, и мы с Бетой отправились на рынок. На рынке разделились. Бету я отправил за вещами, а сам купил верёвку и, наняв пролётку, покатил к лесу, где был схрон. Из схрона я забрал всё оружие, немного патронов, десять тысяч рублей и вернулся в город.

Бета в это время устраивался в доме Баталовой. Анна Васильева вызвала слуг, пыль стояла столбом, делали ремонт, отмывали всё. Сутки – и всё в порядке будет. Нам с Бетой выделили приличных размеров комнату, в неё уже заносили вторую кровать.

И вот уже двое суток мы жили в доме Баталовых. Старушка оказалась пробивная, уже начала оформлять документы на усыновление. По ним мы паспорта получим к шестнадцати. Жаль, молодо мы выглядим; на пятнадцатилетних ещё тянем, а вот на шестнадцать лет уже нет. Процедура усыновления небыстрая, но старушка старалась. Я выдал ей пять тысяч рублей на расходы, что останется – её премия.

Альфа и Бета бывали дома по одному, по очереди. Один оставался с Баталовой, а второй отслеживал семью бывшего управляющего, который был помощником купца до его смерти, а после, ограбив вдову, сбежал. Вряд ли он и от семьи стережётся, кто-то из них должен знать.

Я выяснил, что у него есть родной брат, кому же и знать, как не ему, где бывший управляющий. Так что на третью ночь мы с Бетой пошли на дело и той же ночью выкрали из дома нужного нам человека. Да, тот знал. Так что тело – в реку, и уже утром у Анны Васильевны была информация, где её бывший управляющий живёт и под кого маскируется.

Десять месяцев спустя.

Пятое июня 1899 года. Утро.

Петербургский железнодорожный вокзал

Наши с Михаилом (бывшим Бетой) вещи уже лежали в купе, а Анна Васильевна, провожавшая нас, всё продолжала давать наставления, хотя и понимала, что мы в них не нуждаемся. Она понимала, что мы расстаёмся надолго, и потому нервничала.

Я довольно улыбался, хотя мы с Бетой настолько устали, что едва не спали стоя, так укатала нас учёба. Да уж, не сказать, что эти десять месяцев пролетели как один день. Пришлось потрудиться, и учились мы от рассвета до вечера.

Честно скажу, что не успел бы, если бы вовремя не понял, что мы с Бетой можем одновременно учиться разным дисциплинам. В прошлой жизни я забывчивым был, а теперь усваиваю всё хорошо, да и на память не жалуюсь.

Так что я распределил учёбу. Половину учителей по дисциплинам, что изучают в гимназии, – Альфе, другую – Бете, и учёба пошла. Бета взялся изучать французский язык, а Альфа – английский. Альфа ещё обучался у старого казака-пластуна, который учил его уловкам, как на шашках биться. Бета иногда к ним присоединялся, чтобы тоже руку поставить.

Бету, кроме того, учил пожилой штурман дальнего плаванья. Он и шкипером бывал, это капитан судна, если кто не знает. Повезло найти специалиста с Дальнего Востока, он тамошние воды отлично знал, тридцать лет отходил и на парусниках, и на пароходах. Учил меня по своим личным навигационным картам, сохранил на память; я их скопировал, так что неплохо тот бассейн стал знать. А

вообще поначалу он математике учил, я не вытягивал по знаниям для расчётов, и он учил Бету, передавая знания и мне.

Вот в тир и обучаться верховой езде близнецы вместе ходили: это всё нужно самим, лично изучать. Отлично набили руку в использовании наганов и карабинов Маузера, что стоят сейчас на вооружении армии Германии. Карабины я купил, две единицы, и за эти месяцы мы расстреляли все стволы. Да чёрт возьми, неудивительно – десять тысяч патронов на каждого. Так что карабины в утиль отправились, наганы, впрочем, тоже.

Трофейные револьверы я отстрелял, но немного, оружие в порядке и сейчас в багаже, а карабины для продолжения учёбы купим уже в столице. Пойдём в частный тир: поговаривают, там куда лучше.

Последние два месяца старый казак учил стрелять нас на ходу и на бегу. Про стрельбу верхом пока и говорить не стоило, но основы боя на земле, в прыжке и в движении, мы уже начали осваивать. В тире, с места, я в обоих телах стрелять научился отлично, а вот в движении пока даже и не попадаю. Практика нужна; знаю, к чему стремиться. Жаль, уезжаем, надеюсь, найдём такого учителя в столице. Казак категорически отказался ехать с нами. У него был свой трактир в Москве, а нас он учил, чтобы вспомнить былое. Пластун, редкая профессия. А ведь шестьдесят лет старичку.

Наконец дали сигнал к отправлению. Я по очереди обнял Анну Васильевну, промокавшую глаза платком. Позади неё стояла её личная помощница, и чуть дальше маячил кучер. Мы направились в вагон и вскоре наблюдали, как перрон поплыл назад.

Полиция Анне Васильевне всё вернула, даже чуть больше, чем было украдено, а бывшего управляющего сослали на каторгу, десять лет дали. Он, пока его не взяли, в Омске жил по поддельным документам, купцом второй гильдии был. Возвращённые деньги Анна Васильевна на счёт положила, пятьдесят семь тысяч рублей. Я к тому времени приобрёл для неё свечной заводик, который как раз удачно на торги выставили. Доход с него был полторы тысячи рублей в год, Анне Васильевне вполне хватало.

Анна Васильевна в нашу учёбу не вмешивалась, но обещала зимой приехать к нам, посмотреть, как мы устроились. Ничего, встретим. И письма я ей буду

писать, та мне стала если не мамой, то бабушкой точно. Хорошая и добрая женщина.

Уезжали мы с паспортами, по ним нам шестнадцать лет, мартовские мы. Я стал Мартыном Ивановичем Баталовым, а Бета – Михаилом Ивановичем Баталовым. У обоих аттестаты гимназии Москвы с неплохими оценками, выше среднего, оба неплохо говорим на двух языках. В столице будем совершенствовать разговорные и письменные навыки английского и французского. Может, ещё какой язык изучим. Думаю насчёт испанского, он тоже довольно распространён в мире. Или лучше немецкий? Подумаем.

Что я могу сказать? За этот неполный год я почти сто тысяч рублей угрохал, хотя две трети этой суммы мне стоил свечной заводик. Однако и траты на учителей, материалы и патроны были немалые. Да ещё и одежда на нас словно горела.

Поэтому пару недель назад снова подзаработал. Консульство у англичан в Москве было, вот я устроил слежку и приметил, как ночами консульство посещают некоторые личности, да и сами англичане ходят куда-то с саквояжами, в некоторых случаях с охраной, которая сопровождала их в отдалении.

Что я сделал. Мы с Бетой атаковали одновременно из темноты, Альфа брал, как потом выяснилось, курь ера, а Бета – охранника. Что любопытно, с обоих сняли неплохие трофеи, в том числе новинку оружейной мысли – «Браунинг М1900». Он был и у курьера, и у охранника, вместе с двумя запасными магазинами. А в саквояже были взрывчатка и средства инициирования. Бомбистов, гады, снабжали, видать, нашли к ним подходы. О громких взрывах я пока не слышал, но, похоже, недолго тишине стоять.

Ликвидировав эту парочку и прибрав трофеи, я рванул к консульству, отстучал подслушанным кодом, и охранника, открывшего дверь, насадил на клинок. У этого, к сожалению, был револьвер Уэбли, но его я тоже забрал. После этого поднялся наверх. Консул не спал, его я тоже ликвидировал, но перед этим заставил открыть сейф. Там было тридцать семь тысяч рублей банкнотами и двадцать две тысячи английскими фунтами стерлингов, что очень неплохо. Общая сумма в рублях – почти триста тысяч. Сейчас вся эта добыча также была в багаже. Кроме взрывчатки: я взорвал ею консульство. А уж какой шум в газетах стоял после взрыва консульства – не передать.

Всю дорогу до столицы мы с Бетой проспали, отдыхая и отсыпаясь. Тяжёлые денёчки выдались в последние дни, особенно с этими экзаменами в гимназии. Хорошо, что всё закончилось и впереди у нас новая учёба.

Стоит отметить, что этот неполный год прошёл у меня в невероятной спешке. Оборачиваясь сейчас назад и вспоминая эти месяцы, я, недоумевая, пытался понять её причины. Однако главное, что я всё успел, сделал всё, что запланировал, и мой план продолжает осуществляться.

Проблему с женщиной я тоже решил. Была такая мадам Жолин. Почему-то все, и маман, и работницы борделей являлись француженками либо гражданками каких-то других стран. Как я понял, власти не одобряют, когда наши русские девчата идут трудиться на таком поприще. Ладно ещё в содержанки, но не в такие откровенные бордели, существующие под вывеской отдыха для состоятельных мужчин.

Когда я пришёл туда в двух телах, Жолин, тридцатитрёхлетняя фигуристая красотка, сама решила с нами поработать. Видимо, была уверена, что мы девственники. Я её не разочаровал и поразил таким постельным приёмом, как «бутерброд». Хм, для меня такой тройничок тоже был удивительным опытом, и я впитывал новые знания, как в двух телах одновременно удовлетворять женщину, даже такую опытную, как Жолин. Да и чего уж говорить, если учитывать размер моих достоинств, она тоже подошла. Правда, был и минус: нашей постоянной подружкой, с которой мы снимали напряжение, так и осталась Жолин. А учебный процесс был такой плотный, что посещал я её раз в неделю.

Вообще же этими месяцами учёбы я был доволен. Тела отъелись, мускулатура какая-никакая появилась. Скорее, конечно, никакая – одни мышцы и жилы. Оба моих тела стали серьёзными рысаками. Причём серьёзные нагрузки я начал давать только полгода назад, а до этого подготавливал тела постоянными гимнастическими упражнениями. Да и бегом по утрам тоже не брезговал заниматься.

На придомовом участке Баталовых был отапливаемый сарай, он пустовал, и плотники по моей просьбе оборудовали там спортивную площадку. Там старый казак и учил нас своим ухваткам и бою на шашках. Кстати, шашки были его, у меня при себе, кроме ножей, ничего не было, но я не спешил с покупкой такого оружия.

Дорога до столицы особо не запомнилась, спали да ели. Ехали мы в двухосном вагоне второго класса, считавшегося мягким. Двое наших соседей оказались такими же будущими студентами, как и мы, но я их почти не видел: они проводили время в соседнем купе, со своими приятелями.

В Питер мы прибыли в полдень. Вагон покидали одними из последних, когда толчея прошла. Проводник помог вынести на перрон наши вещи: четыре чемодана и два саквояжа. Он же высвистал носильщика.

На привокзальной площади экипажей, как и ожидалось, уже не было, но не страшно, подождал. Наконец подкатившая пролётка забрала нас и повезла в отель, считавшийся одним из самых дорогих в городе. Нас заселили в один номер, семейный, с двумя спальнями. Я уплатил за неделю вперёд, мы поужинали в ресторанчике отеля, и отправились в пешую прогулку по столице.

Причём не вместе. Альфу я отправил искать местную мореходку, где мы, как я надеюсь, будем учиться, а Бета пошёл искать дома с меблированными комнатами. Нам требуется снять квартиру на год, а лучше на три, если с подготовительными классами не выйдет. И спальни нужны три. Анна Васильевна обещала нас навестить, как мы устроимся, так что отобьём ей телеграмму и будем ждать её в гости.

Училище ещё работало, несколько преподавателей задержались, мне удалось поймать одного из них и пообщаться. Я узнал, что приём уже начался, выяснил, как поступают и что нужно делать.

Начальник морских классов тоже был тут. Я к нему зашёл, мы пообщались и договорились. Стоимость обуче ния в год составляла восемнадцать рублей, а поступление без проблем обойдётся мне в пятьдесят рублей с головы. Сто рублей в общем. Договорились, что завтра мы подойдём с документами и деньгами, и он внесёт нас в списки студентов. На том и разошлись.

У Беты тоже всё удачно сложилось: в десяти минутах хода пешком от мореходки он нашёл отличный современный дом (его год как построили и обживать начали), где сдавались квартиры с водопроводом и канализацией. Были и квартиры с несколькими спальнями.

К слову, в доме Баталовых ни водопровода, ни канализации не было. Вода привозная, туалет снаружи, отопление печное. За домом, где флигель для слуг, баня рубленая стояла, там и мылись. Ну, или в общественной, опекунша наша любила туда ездить, со знакомыми и подружками поболтать. Тут бани не банальное помывочное место, а место встреч, общения. Церковь, кстати, тоже, но там это не так ярко проявляется.

Что касается церкви, то тут моя договорённость с Анной Васильевной не была нарушена. Был я в церкви пару раз… и было это всего пару раз. Мне Закон Божий в списке предметов на сдачу в гимназии как песок на зубах хрустел, еле-еле сдал на проходной балл. А ведь и в мореходке он будет, его везде пихают, на государственном уровне.

Решив насущные вопросы, я погулял по набережной до полуночи. Дальше смысла не было: фонари тут масляные, да и немного их, для прогулок время не самое подходящее. Так что вернулись в номер и легли спать. Да, тут были ванные комнаты, так что мы ванны приняли, и ещё одежду в стирку сдали.

На следующий день, сразу после завтрака, мы взяли документы и отправились в училище. Начальник курсов нас уже ждал, принял взятку и быстро помог с оформлением, так что теперь мы с Бетой числились на курсах шкиперов дальнего действия. Я всё же выбрал не класс штурманов, хотя дипломы штурманов международного образца мы тоже получим. Если сдадим экзамены, конечно. Нам также выдали списки учебных материалов и всего остального.

Жаль, но проскочить подготовительный год не получилось. Да, в принципе, и смысла нет: как мне удалось узнать, патент шкипера и заграничный паспорт тут выдают только по истечении двадцати одного года – это возраст совершеннолетия в Российской империи. К счастью, мой опекун может раньше затребовать их выдачу, и они будут действительны. Обидно, дворяне офицерами и совершеннолетними в восемнадцать становятся, а нам, если без ухищрений, до двадцати одного года ждать. Хорошо, что мне подсказали эту лазейку с опекуном.

Квартиру мы арендовали сроком на три года, подписали договор и оплатили за год вперёд. Скоро тут бум аренд будет, все свободные квартиры разберут, так что я вовремя успел ухватить подходящую. Взяли мы квартиру с двумя

спальнями, если Анна Васильевна приедет, то одну уступлю ей. Правда, пожить здесь до начала учёбы нам вряд ли удастся, планы немного поменялись.

А план такой: раз учёба только в сентябре начнётся, то два месяца можно потратить на дело. А то что я за моряк буду, если о море и о судах знаю с чужих слов? Да, на эти два месяца я планировал уйти в плаванье. Причём на разных судах, чтобы получать разнообразный опыт.

Получив ключи от квартиры, я перевёз туда часть вещей, но пока не планировал покидать отель: там всё качественно, да и жить можно. Занялся я покупками к учёбе. У портного заказал каждому из нас по два комплекта студенческой формы, летней и зимней, включая пальто. Нанял одного преподавателя в мореходке, чтобы тот пробил места для практики на судах, стоявших в порту. Анне Васильевне послал телеграмму, что мы поступили, квартиру сняли, и что планируем на два месяца уйти в рейс, практику получать.

Телеграмма была короткая, только самая суть, следом я письмо отправил, уже с подробностями. О письме в телеграмме сообщил, пусть ждёт. Дал ей намёк, что лучше осенью приехать нас навестить, сейчас мы заняты.

А на следующий день отбил срочную телеграмму, чтобы она приехала как можно скорее. Появились причины.

Пять дней с момента приезда пролетели быстро. Всё, что нужно для учёбы, я закупил. Все покупки отправлял на квартиру, обживая её, но продолжал пока жить в отеле. Кроме всего прочего купил два костюма по размеру, это была форма моряка гражданского флота.

Смог найти неплохого учителя английского языка, мне ведь нужно ставить произношение да учить морские термины на английском. На французском тоже, но по нему учителя пока нет, буду искать его с началом учёбы. Это с учителем английского мне повезло: тот был одним из наших преподавателей и, подрабатывая, давал частные уроки.

С морской практикой было сложнее. Бету удалось пристроить на один русский сухогруз. С иностранцами связываться не стоило, фиг его знает, когда они вернутся, как бы на учёбу не опоздать, а это судно рейсовое. Вчера сухогруз отбыл с грузом зерна, идёт в Норвегию.

Этот трамп в полторы тысячи тонн водоизмещения, со старой паровой машиной, – вполне неплохое место для практики. Бета стал кочегаром, с условием, что его будут учить науке механика. Пока там учили по принципу «На по рукам, не лезь, макака, сломаешь». Но всё же теорию давали и показали, как уголь в топку правильно кидать. У Беты смена ночью была, сейчас спит после тяжеленной вахты.

А вот мне найти место пока не удалось. Причина в тех самых морских классах: практика на судах обязательна, вот студенты и заняли все места. Даже на судне Беты двое были. А тут ведь не каждое судно подойдёт: нужно дальнего плавания, но чтобы вернулось к началу учёбы. А то если на полгода в рейс, тут поди дождись возвращения.

Я подумал, ещё раз подумал и решил: а почему своё судно не заиметь? На нём и буду проходить практику. Мысль мне понравилась. Сказано – сделано. Отправил Бету в рейс, мысленно помахав ему вслед платочком, и занялся делом. Напряг пару портовых рабочих, которые всё про всё тут знали, и те свели меня с начальником порта. От него я узнал, что из подходящих судов (а мне желательны были грузовые) продаются всего три.

Этот начальник порта и дал наводку на одно из них, которое продавалось в Риге. Местные купцы, занимающиеся морскими перевозками, на него рожи кривили, так что оно пока зависло. А что, пусть морское судно, но всего тысячу триста тонн водоизмещения. И трюм всего один, и небольшой, основное место занимают холодильники. Да, к моему удивлению, они тут уже существовали, правда, древние, но всё же именно они. Для купцов было бы понятней, если бы это были морозильники, суда-рефрижераторы, ведь в холодильнике товар тоже портится, пусть и медленнее. Да и хозяин цену драл. Так судно пока никто и не купил.

А меня оно, наоборот, заинтересовало, и я решил залезть в незанятую нишу. Хозяин был англичанином. Судно два года как спущено на воду у пиндосов. Просят непомерную цену за такой класс судов – аж десять тысяч фунтов стерлингов. Такие суда больше чем на восемь тысяч фунтов стерлингов ну никак не тянут, о чём русские купцы прекрасно знают и заработанные деньги считать умеют.

Меня познакомили с неплохим шкипером, подходящим на должность будущего капитана возможно моего судна. Я дождался приезда Анны Васильевны (такие покупки без опекуна фактически невозможны), и мы втроём отправились в Ригу на попутном судне, где произвели осмотр. Долгий торг ничего не дал, пришлось уплатить запрошенные десять тысяч.

Четыре дня заняла регистрация, шкипер в это время подобрал перегонную команду. Постоянную коман ду набрали уже в Питере, там же пополнили кладовые судна, закупили всё необходимое, да и углём загрузились.

На этом судне мне до сентября ходить, и за это время я должен освоить все профессии на судне. Особенно меня интересовали четыре: судоводителя, штурмана, рулевого и судового механика. Хотя бы основы, но нужны.

А решил я заняться вот чем. Перевозка тропических фруктов. Судно будет бегать в Африку и привозить фрукты. После долгих размышлений я выбрал Касабланку. Там найду торгового партнёра из местных торговцев, и он будет доставлять фрукты высшего качества к моменту прибытия моего судна, которое я назвал «Бегущая по волнам».

Не знаю, кто заказал это судно, но оно вполне скоростное: шестнадцать узлов на пределе хода и двенадцать-тринадцать на среднем ходу, не насилуя машины. Этого вполне хватало, чтобы доставлять фрукты в столицу России.

Я пока не знаю, что буду делать, когда залив покроется льдом, но что-нибудь придумаю. Прерывать поставки не стоит, быстро найдутся последователи. И желательно ещё одно такое же судно заказать. Я уже узнал, где его построили, можно подобное получить, но это уже после того как пойму, рентабельно дело или нет. А вообще судно считается грузопассажирским. Пусть на борту всего пять пассажирских кают, и пассажиры принимают пищу в общей столовой, но всё же брать их вполне возможно.

Оформление судна и подготовка к отплытию заняли неделю. Я нанял в столице одного предприимчивого парня, из молодых адвокатов, с которым договорился о рекламной работе. Перед отплытием с Касабланки я отправлю ему телеграмму, и он в газетах начнёт вброс информации, что в столицу везут редкие тропические фрукты, которые хозяева магазинов могут купить без посредников, сразу у поставщика, со складов купчихи Баталовой.

Да, Анна Васильевна плыла с нами, чем была очень довольна, ведь до этого она почти нигде и не бывала, мало выезжая из Москвы. Была она не одна, а со своей неизменной спутницей, Марфой Ивановной, которая уже давно перестала быть прислугой и стала скорее компаньонкой.

Что касается присутствия Анны Васильевны, то дело в том, что купить судно может любой гражданин Российской империи, но вести морскую торговлю могут только купцы. Причём раньше это право имели только купцы первой гильдии, но сейчас это разрешение распространялось и на купцов второй.

А именно купцом второй гильдии и была Анна Васильевна. А иначе как ей заводиком владеть? Место в гильдии перешло ей по наследству от мужа. Поэтому я приобрёл судно, и оно числится за мной, но Анна Васильевна арендовала его у меня (адвокат всё оформил), так же как и неплохой портовый склад, где будут выгружаться фрукты и откуда их будут забирать оптовые покупатели.

Надеюсь, реклама сработает и это будут покупатели от крупных продовольственных магазинов и ресторанов. Среди рекламы в дорогих газетах, которые читают дворяне, будут описания способов приготовления различных освежающих соков, лимонадов, фрешей, коктейлей из тропических фруктов, что должно заинтересовать как владельцев ресторанов, так и их посетителей.

В назначенный срок судно покинуло порт. Стоит заметить, что я попросил моего шкипера, который занял место капитана, чтобы он учил меня всему, что знал сам, особенно разным хитростям судовождения. Четыре часа в день теория и практика штурманского дела – это и так понятно. Но кроме этого раз в неделю я стою на вахтах по одной из специальностей.

Основные – судоводитель, рулевой, штурман и судовой механик, но и другими я брезговать не собирался. Простой матрос, стюард в каютах пассажиров (пустых не было), третий помощник капитана, боцман и кочегар. В первый день отплытия я стоял рядом с рулевым, это профи, он меня и учил, сразу меня никто не поставит за штурвал.

Что касается пассажиров, то одну каюту заняли Анна Васильевна с подружкой, а в четырёх были другие пассажиры, которые сходят в пути. Да, придётся заходить в порты. На внешней стоянке вызовем лодку, и они сойдут, а мы сразу

пойдём дальше, заходить в порт и регистрироваться не будем.

Один с нами плывёт до французского Бреста, трое – супружеская пара с дочерью, они занимали две каюты – в Португалию, их Лиссабон интересовал, а четвёртый – с нами в Касабланку. Этот просто путешествовал, захотел в Африке побывать, когда узнал, куда мы идём. Оплатил пока билет в один конец. Он был в курсе, что у нас теперь будут регулярные рейсы, сможет вернуться следующим рейсом или сразу, он сам ещё не решил. Это был единственный дворянин на борту, помещик.

Отход немного затянулся, это всё спешка с подготовкой, но наконец мы вышли с места якорной стоянки и, дав гудок, направились к выходу из порта. На флагштоке реял флаг гражданского флота России. Точно такой будет у Российской Федерации в будущем. Если будет.

Да, я, как опытный диванный вояка, собирался гнусно надругаться над бабочкой как его там и изменить будущее. Я костьми лягу, но изменю историю этой подлой войны. Предавали там всех и вся, вот я и постараюсь не допустить этого.

На второй день мы прошли мимо германского Киля, где стояло судно Беты. У них шёл ремонт машин: сломались на полпути, теперь делали переборку, благо запасные части имелись. На этом судне такие поломки были обычным делом: машины крайне изношены, но хозяин судна выжимал из него последний ресурс. Ремонт механики производили своими силами, и Бета там был на подхвате. Заодно учился, механики были не прочь просветить новичка. Это был нужный мне опыт.

Когда моё судно готовилось к выходу, к нам часто обращались моряки, желающие вступить в команду. В столице многие искали такого найма, среди них были и студенты разных мореходных классов, в том числе и той школы, где я буду в двух телах учиться.

Шкипер посоветовал мне взять парочку. Купцы не особо любили таких пришлых практикантов, потому что по закону им нужно было платить зарплату. Бесплатно бы взяли, за еду и койку, но платить им как опытным матросам желающих особо не было.

В итоге я взял троих: одного со второго курса шкиперов, второго – с третьего курса штурманов нашей мореходки, а третий парень был второкурсник из Риги, там своя школа штурманов была. Одного определили в помощники шкиперу, тот его учить будет, и двоих – в помощники штурману, он у нас один на борту. Спать они будут в матросском кубрике, кают для них нет. Станут сами шкиперами – тогда конечно. Зарплата им шла как палубным матросам. Таковы условия практики.

Плаванье заняло одиннадцать дней. Это с учётом заходов в порт для высадки пассажиров, и того, что в Лиссабоне пришлось дозаправиться углём. Потом ещё сутки в дороге шла уборка, вымывали угольную пыль из всех щелей, я тоже со шваброй бегал. В Лиссабоне мы подписали договор об отгрузке угля с фирмой, которая этим занимается. Будем загружаться тут и на обратном пути, с полной загрузкой нам хватит до Питера.

Судно шло в основном на четырнадцати узлах. Нам повезло: ни штормов, ни чего-то другого подобного не было; путь, по сути, лёгким был. Я все эти дни учился специальности рулевого, дело это непростое и требует немалого опыта и сноровки, особенно в порту.

В порт Касабланки мы вошли вечером. Наш пассажир, один из оставшихся, торопиться не стал и на берег отправился только утром следующего дня, наняв одну из местных лодок. Я же занялся поисками делового партнёра, который будет заготавливать для нас фрукты высшего качества перед прибытием «Бегущей по волнам» и помогать с погрузкой.

В тот же день я нашёл одного из самых уважаемых местных торговцев. Он заинтересовался сотрудничеством, долго вился вокруг Анны Васильевны, с которой они были одного возраста, и в конце концов подписал с нею договор. Я выступал в качестве переводчика. Английский я за это время подтянул отлично, общался на борту в основном на нём, так как шкипер судна знал его в совершенстве, особенно морские термины.

Кроме этого, шкипер гонял меня, да и остальных практикантов, по флажковым сигналам гражданского и военного флота, в том числе и по международным сигналам. Я с удивлением узнал, что объёмом своих знаний уже сейчас на голову превосхожу студента третьего курса нашей мореходки.

Двое из трёх практикантов явно просто отбывали срок, учёба не особо их интересовала. Третий, который из Риги, был сыном моряка и вот он рвался к знаниям со скоростью бешеной гончей. В следующий раз к приёму практикантов подойдём более тщательно. Будем отбирать таких, как этот третий, кому знания действительно нужны.

И вот договор подписан, люди местного торговца уже по всем рынкам скупают фрукты, выбирая самые-самые, и в ящиках доставляют к нам на борт в наших судовых шлюпках. Были заключены также договоры на поставку фруктов с местными фермерами. Основной груз – это, конечно же, мандарины, сейчас как раз шёл очередной сбор. На втором месте по объёму бананы. А вот ананасов и кокосов тут нет, для этих мест они тоже были диковинкой, их везли малыми партиями из Южной Африки. Однако некоторое количество нашлось, местные торговцы доставили, так что почти тонна кокосов в трюме и килограмм двести ананасов в холодильниках пополнили наши запасы.

Тут стоит отметить, что гонять порожнее судно из Питера в Африку убыточно. Поэтому я прикинул, что там ценится, и закупил… оружие. Полный трюм винтовок Бердана и патронов к ним. Пусть трюм небольшой, но пятьдесят ящиков по десять винтовок в каждом, купленных мной на военных складах, где продавали устаревшее вооружение, как и патроны с дымным порохом легко поместились. На месте они у меня быстро ушли по триста за ствол. Причём сорок винтовок из груза ушли в качестве оплаты этих самых фруктов, которые были тут очень дёшевы.

На палубе у нас ещё были несколько ящиков со скобяными изделиями: мотыгами и лопатами. Немного, прощупать спрос, а он оказался неплох – всё вымели и просили ещё. На обратный путь мы взяли несколько бочек с живой морской рыбой, были африканская скумбрия и желтопёрый тунец.

Трое суток мы простояли в порту Касабланки, прежде чем покинуть его. Все пассажирские каюты снова были арендованы, пассажиры плыли в основном во Францию, но один – в Германию.

Помимо закупленных фруктов мы взяли по тонне местных, на пробу. Например, дынную грушу, гуаву и карамболь. Взяли также несколько ящиков томатов, ещё зелёных; пока идём, покраснеют. И отправились обратно. В этот раз я был прикреплён к вахтенному помощнику капитана, перенимал науку. Ну и остальная учёба шла.

Торговец из Касабланки, звали его Али, а родовое имя я даже запоминать не стал, просил оплату всё тем же оружием. Договорились, что так и будет. Контакт с военными интендантами я имею. Кто бы знал, как тяжело было получить разрешение на покупку и продажу оружия за границу. Это разрешение стоило мне пятьсот рублей.

Рейс прошёл удачно, после разгрузки на складе не осталось ничего. Ещё в Лиссабоне, пока шла погрузка угля, я отправил телеграмму адвокату в Санкт-Петербург о том, что пора запускать рекламу. Очень помогли памятки для покупателей с описанием фруктов: что это такое, как их есть, как готовить, как хранить, каков срок хранения. Я чуть позже эти же памятки дал и в газетах. Сам не ожидал, что вот так мигом всё раскупят. Как ни странно, особенно обрадовались томатам, даже запрашиваемая цена не пугала. Рыбу (она была живая, мы воду каждый день меняли) забрали рестораторы.

За один рейс я получил две тысячи рублей чистого дохода. Именно чистого. Если так дальше пойдёт, то за год отобью покупку судна.

Анна Васильевна сошла на берег; путешествие ей понравилось, но хорошего понемногу. Мы дали рекламу в газетах о туристическом плавании в Африку. Цены на билеты установили чуть выше среднего, но желающие отдохнуть нашлись. Все каюты выкупила одна семья из одиннадцати человек, в которой были четверо детишек до десяти лет. Капитану судна даже пришлось уступить свою каюту главе семьи с супругой, а сам он теснился в каюте со старпомом. И мы снова поплыли в Африку.

Я стал задумываться насчёт второго судна. Одним мы вряд ли закроем потребности столицы. Скорее всего, его придётся заказывать. Я решил направить в Штаты доверенного человека, который закажет судно, наймёт перегонную команду и пригонит его в Питер. А дальше по старой схеме.

Этим занялась Анна Васильевна. Старушка вообще была бойкая, да и в торговле понимала, муж научил. Она решила не одно судно заказывать, а сразу два, вложив личные средства. Наняла помощника, который занимался переговорами, так было удобнее покупателям и заказчикам, а сама вела дела.

Недели до начала сентября как-то мигом пролетели. Анна Васильевна крепко взялась за дело, её человек уже уплыл в Штаты, чтобы там выйти на нужные верфи и заказать суда. Конечно, пиндосов кормить не хотелось, но что поделаешь. У нас холодильники не делали и не брались полностью оборудовать такие суда.

Груз второго рейса смели на пути к складу. Томатов на этот раз было в три раза больше, и их все забрали, весь маленький трюм, двадцать пять тонн. Да и фрукты брали, что уж говорить. На этот раз две с половиной тысячи чистого дохода, и это только по фруктам и овощам. Рыбу мы не брали: спрос на неё был небольшой.

Анна Васильевна съездила ненадолго в Москву и сдала свой дом семье полковника, который получил назначение в гарнизон Москвы. Заводик её был под присмотром, прислугу она забрала и переехала в столицу. Покупать дом не стала – арендовала. Она, пока в моей квартире жила, очень была довольна удобствами в доме, вот и арендовала себе такой же.

Квартиру она вынудила меня сдать, так как в доме у неё были готовы две спальни для нас с Бетой. Правда, до мореходки далеко, но Анна Васильевна купила пролётку, чтобы возить нас туда и обратно. Кучер, он же конюх, у неё уже был.

Кстати, помните того городового, что подсказал мне насчёт Анны Васильевны? Не без умысла подсказал. Повариха, уволенная на тот момент Баталовой, была его женой и сидела без работы с четырьмя детьми. Благодаря нам она смогла вернуться на ту же работу. Городовой с семьёй перевёлся сюда же, в столицу, служил в соседнем районе, жил во флигеле для слуг, заодно дом охранял.

До сентября я успел сделать три рейса в Африку; последним рейсом с нами вернулся дворянин, которого мы первым рейсом отвезли отдыхать в Африку. Отдыхом он остался доволен.

Мой Альфа едва успел вернуться из третьего рейса, прибыл за два дня до начала учёбы. Бета к тому времени уже неделю жил в городе, помогал Анне Васильевне. (Тьфу, это же я ей и помогал, просто в теле Беты. Год уже, а всё никак не привыкну.) Она стала в столице крупным поставщиком фруктов и томатов. Тут, на севере, они родятся плохо и спрос на них постоянный.

Анну Васильевну теперь приглашали во многие дома, так как были подписаны договора на поставку фруктов в крупные дворянские семьи, семьи аристократов. Сразу с судна товар отправлялся к ним домой, на ледники или в кладовки.

Бета сделал всего два рейса в Норвегию вместо трёх запланированных. Это всё машины, четыре раза ломались. Зато теперь я дока в ремонте и обслуживании машин этого типа, постройки верфей в Англии.

Перед тем как сойти на берег, я поговорил с тем парнем из Риги, практикантом. На следующий год он также будет практиковаться на моих судах. Двум другим подобного предложения я не делал: они натуральный балласт. Потом в мореходке ещё погляжу: если найдутся такие же увлекающиеся, кому негде сдавать практику, договорюсь с ними о практике на моих судах. Шкипер у меня опытный, научит.

Началась учёба. И знаете, шла она отлично. Первый год пролетел незаметно. И снова была практика на море. За три месяца мы с Бетой четыре полных рейса сделали, и ещё время на отдых осталось. Я продолжал совершенствовался: постоянно занимался в тире, учил языки. Два отлично подтянул, остался лишь лёгкий акцент. Третьим выбрал немецкий. Казаки, служившие в охране императорского дворца, частным образом учили меня конному бою и на шашках.

Потом наступил второй год учёбы, и тут всё отлично шло. Анна Васильевна всё так же занималась делами. Кто-то из купцов пытался было сесть на наше направление, но оно плотно нами было занято, семьёй Баталовых. Три судна ходили у нас по этому маршруту.

Точнее, на сегодня только два судна, так как «Бегущая по волнам», моё первое, ещё в апреле было отправлено в Штаты на ремонт, замену изношенных машин и общее обслуживание.

А было сегодня второе июня тысяча девятьсот второго года, и мы как раз сдали экзамены в нашей школе.

Стоит отметить, что согласно высочайше утвержденному «Положению о мореходных учебных заведениях» от шестого мая тысяча девятьсот второго года предлагалось создавать следующие учебные заведения:

1) мореходные училища дальнего (3 года обучения) и малого (2 года обучения) плавания;

2) мореходные классы трёхклассные, двухклассные;

3) приготовительные мореходные школы (двухклассные); 4) курсы мореходных знаний.

Вот и в нашей школе началась реорганизация, и пока она пошла, нас, после сдачи экзаменов, выпихнули на практику. Однако этим летом я на практику не пойду. Нет, официально практика будет, капитан «Танцора», где я в двух лицах буду нести службу вместе с ещё пятью практикантами, подготовит все документы. Просто у меня вдруг появились другие дела.

Представляете, неделю назад моё третье судно, имеющее название «Аист», было арестовано английским крейсером и сопровождено в порт Плимута. Причина ареста – военная контрабанда. Винтовки-то мы в Африку продолжали возить, уже больше семнадцати тысяч отправили, берберы их очень хвалили. А англичане только себе позволяют подобную торговлю и не любят, когда ещё кто-то в это дело лезет, вот судно и было арестовано. Оно как раз из Питера в Рабат шло. У меня два судна в Касабланке грузились, а одно ходило в Рабат. Ну не успевали торговцы с доставкой свежих овощей и фруктов, ведь брали мы только лучшее.

Посол Российской империи в Англии уже начал работать над этой проблемой. Анна Васильевна до самого императора Николая дошла, и тот велел разобраться. Всё же мы поставщики Императорского двора, у нас всё законно. Анну Васильевну ещё год назад перевели в первую гильдию, и она получила разрешение на торговлю оружием, хотя это и было непросто.

Думаю, англичане просто нервы мотают и чуть позже судно отпустят. Но ответку кинуть надо. Да и застоялся я с этой учёбой, пора повоевать. Так сказать, перед тем как с японцами мериться размерами, на англичанах потренироваться, в диверсионной деятельности. Зря, что ли, меня уже год бывший офицер инженерного корпуса учит подрывному делу? Тайно, конечно, но и деньги за учёбу плачены немереные. Так что на французском судне я отбыл в Германию. Оттуда переберусь в Англию.

Насчёт мести я серьёзно, без шуток. Я вполне официально плыл в Германию, где также официально и пробуду до конца лета. А вот в Англию переберусь инкогнито, используя угнанную лодку. Моряк я или погулять вышел? Сам доберусь.

Я могу бодрствовать месяцами. Проводил эксперимент прошлым летом: два месяца не спал, пока на практике был. Точнее, пока спал Бета, Альфа работал, и наоборот. Но так как управлял ими я, то и не спал, по сути, тоже я. Никакой усталости: усталость есть только у тел, но не у меня. Сложно объяснить, так что примите хоть такое объяснение. В общем, пока один из близнецов на вахте, другой отдыхает. Не проблема.

Действовать я планировал инкогнито. Ликвидирую любого, кто сможет опознать меня на территории Англии. Соответственно, маски буду носить постоянно.

Да и месть моя не должна быть связана с арестом судна, а то это закономерно приведёт ко мне, чего мне не нужно. Нет, удар чисто по промышленности и видным людям Британии. Для них видных, для меня эти банкиры – лишь цель. В общем, ликвидация, диверсии, ограбления банков возместят мне с тысячей процентов потерю дохода из-за ареста «Аиста», в связи с его простоем и всем остальным.

Если б не необходимость соблюдать инкогнито, я бы в Англию и другими путями попал, вон с «Танцора» бы высадили, и всех делов. Но там слишком много лишних глаз, практиканты все на одном судне, хотя их должны были по двум распределить.

Я пустил слух, что в Германии поработаю на верфи, буду участвовать в сборе паровых машин для военных транспортных судов. Тема интересная, особенно для судовых механиков, только тс-с-с об этом. Сами германцы никогда не подтвердят этот факт. Слух хорошо пошёл: уже половина Питера говорила об этом, поэтому моё отбытие в Германию вопросов ни у кого не вызывало. А был я на практике или нет – не важно. Главное – подписанный «бегунок» от капитана «Танцора» и характеристика на два тела.

«Француз» был не самым ходким судном, я привык к моим бегунам. Кстати, все три моих судна числятся за Альфой и арендованы компанией морских перевозок Анны Васильевны. Так вот, я привык к другим скоростям, и шестиузловой ход

«француза» вызывал у меня только презрительную гримасу.

Однако судно всё же не стояло, и мы, наконец, прибыли в Киль (а вообще оно шло до французского Бреста). В Киле я и сошёл с двумя кофрами и одним чемоданом на двоих. Из оружия у меня были только британские браунинги и один револьвер Уэбли, которые я сохранил и собирался использовать. Из наличных средств – примерно две тысячи фунтов стерлингов и около пятисот марок. Это всё.

Что примечательно, за мной сразу началась слежка. Двое мужчин в неприметных костюмах. Бета, пока мы устраивались в гостинице, ходил в продуктовый, вот так я их и засёк. Чёрт, не германские ли это спецслужбы? Слух обо мне широко разошёлся, их шпионы вполне могли передать эту информацию на родину, а свои верфи германцы сторожат только так. Заказы на постройку принимают, но чужаков стараются не допускать. Тем более на военные верфи, где строят военно-транспортные суда для себя. Что-то стоит придумать.

И придумал – утёк ночью, покинув гостиницу. Ночь – это моё время. Пришлось зайцем на грузовом составе добираться до Кёльна, где эшелон встал: это и было местом его прибытия. Дальше я угнал пролётку и до побережья покатил на ней, двигаясь в основном ночами, а днём отсыпаясь в лесных массивах.

Перебрался во Францию через земли Бельгии и, продав пролётку, начал искать парусную лодку для угона. Мне повезло: в порту Кале, рядом с которым я и устроился, стоял «англичанин» – английское судно. Вполне новый паровой каботажник водоизмещением тонн в четыреста. Открытые морские воды не для него, а вот так у побережья ходить да Ла-Манш пересекать ему вполне по силам.

Первой же ночью я угнал судно. Команду (а на борту находились двенадцать человек, семеро отсутствовали, считая капитана) пришлось ликвидировать. Отработал навык на пять. Думаю, утром портовые власти будут в недоумении: куда делось судно, не закончив разгрузки?

Работал ножом. Нарабатывал практику тайного проникновения, снятия вахты из двух человек и зачистки судна, уничтожив остальных в матросском кубрике. Да и не жалко, пусть даже они простые матросы и ничего мне не сделали. Я на тропе войны, а на войне можно не щадить, даже если противник не военнослужащий. То, что они встали на пути выполнения моих планов, уже

поставило крест на их жизнях.

Снялись с якоря. Ужас! – якорь тут вручную поднимался, пришлось вдвоём, напрягая все силы, крутить барабан. Подняв якорь, вывели судно. Бета в кочегарке и на посту механика, Альфа – в рубке, подавал сигналы семафором, дать ход или нет (хотя мне без разницы, семафор не нужен), и стоял за штурвалом. Котёл тут был один и не потушен, так что поддали парку. Набрали давления, запустили машины, пустили по воле волн лодочку, на которой приплыли (вещи Альфа уже отнёс в каюту капитана) и потихоньку ушли.

Каботажник был не самым скоростным судном, но девять узлов на пределе выдать мог. Часа через два, когда французский берег превратился в тонкую полоску за кормой, мы избавились от трупов, сбросив их в море.

Судно было небольшое, мотало его по волне серьёзно, и у меня в обоих телах даже морская болезнь началась, так укачало. Но я упорно занимался делами: Бета в кочегарке, Альфа – за штурвалом. Так и работали. Шли почти всю ночь на предельной скорости, не жалея машин. А чего их жалеть? По плану это судно на дно пойдёт.

Повезло мне, дошли. С помощью судовой шлюпки я перевёз вещи на пустынный пляж и, дав пару, направил судно прямо на английский миноносец, который как раз вышел из-за косы. Похоже, он был из патрульных сил, контролировал побережье, контрабандистов ловил или нелегалов. Ночь была тёмная, миноносец этот я засёк ещё до высадки, вот и пришла мне в голову отличная мысль – таранить его. Тоже в опыт. Тем более они с каботажником, похоже, одного тоннажа. Миноносец, пожалуй, даже меньше тонн на пятьдесят, так что повреждения должен получить серьёзные.

Близнецы разделись на берегу и вернулись на шлюпке к судну. Шлюпку взяли на буксир и пошли вперёд. Я уже знал, что если на восьми узлах идти или на пределе в девять узлов, то искры из трубы видны, а потому пока не гнал, чтобы не засекли. Так что, разогнав судно до семи узлов, я повёл его прямо навстречу миноносцу.

Как я уже говорил, ночка тёмной была, и сигнальщики засекли каботажник в последний момент. Раздался сигнал ревуна, и миноносец, шедший не спеша, на одиннадцати узлах, начал выкатываться в сторону, пытаясь уйти от тарана.

Однако я довернул и врезался ему точно в левый борт, у кормы, почти срезав её. Вообще-то хотел в центр, однако миноносец умудрился ускориться перед столкновением.

Не жилец, понял я, миноносец уже не спасти, тем более что я дал полный ход назад, вырвав повреждённую носовую часть каботажника из пробоины. На палубе миноносца стоял мат, но меня не это волновало – шлюпку было жалко, разбили. Я отвёл каботажник в сторону и дал ему полный ход вперёд. Немного пройдёт: нос разбит, воды уже немало набрал.

Оба близнеца прыгнули с кормы за борт. Ох и холодна водица, но сейчас прилив, он и помог, добрались до берега. Каботажник уходил вглубь Северного моря, миноносец уже утонул, в стороне на берегу вид нелись спасшиеся англичане, спаслись не все. Я же оделся, вещи – в руки и заспешил прочь. Это всё только начало.

Бежал я недолго, уже через полчаса начало светать. Оба моих тела серьёзно устали, ночка ещё та выдалась, требовалось место для отдыха. Однако от пляжа парни удалились не особо далеко. Нужен транспорт.

О транспорте я подумал, выходя на укатанную дорогу, покрытую щебнем. Достав из одного из саквояжей заранее пошитые Альфой балаклавы (да почти те же чёрные спецназовские шапочки), близнецы их надели, проверили сбрую, достали оружие из кобуры, готовя его к бою, и стали ожидать. Мне вполне подойдут и верховые кони, и экипаж. Однако в такое раннее утро дорога вполне ожидаемо была пуста.

Через полчаса ожидания на дорогу далеко в стороне, почти на горизонте, выползли моряки утопленного мной миноносца. Их было полтора десятка, при одном офицере. Может, и больше офицеров было, но фуражку сохранил только один. Я изучил их в очень мощную подзорную трубу, после чего с задумчивым видом сложил её и убрал в саквояж. После этого мы с Бетой собрали вещи и поспешили в другую сторону.

А пошли мы в сторону Лондона. Хорошее направление. Причём я отметил, что и моряки идут в ту же сторону, иногда мелькают на горизонте. На дороге стали появляться разные путники, и ведь не возьмёшь, свидетели имеются.

Поэтому я покинул дорогу и ушёл в сторону довольно большой рощи – на лес или даже лесок она не тянула. Там обустроил лежанку и вскоре уснул. Спали по очереди: один спал, другой охранял, потом менялись. Не самое удобное место для отдыха, но всё же отдохнули и набрались сил. Когда стемнело, доели припасы, взятые с каботажника. Припасы на два дня рассчитаны были, но, видимо, нагрузки сказались, и так есть захотелось, что съели всё, что было.

До Лондона я добрался утром следующего дня. Видимо, моряки с миноносца подняли тревогу, и ночью мне встретился конный патруль, прочёсывающий побережье. В темноте у них шансов не было. Весь патруль в составе двенадцати человек я, пусть меня слегка и ослепили вспышки собственного оружия, расстрелял с двух рук, когда он, двигаясь по дороге, выехал мне навстречу. Я же их издалека приметил, залёг и стал ждать. Для них стало полной неожиданностью, когда с двух точек по ним открыли убийственный прицельный огонь.

Потом я пробежался, добил подранков и собрал трофеи, которые сгрузил на двух не пострадавших при перестрелке лошадей. Тела оттащил в сторону, чтобы не сразу нашли, и двинул в сторону Лондона, ведя за собой лошадей. К рассвету я был на окраине города.

Жаль, лошадей будет сложно продать: они имеют армейские клейма. Не стоит с этим связываться: засветимся, а оно мне надо? Поэтому, добравшись до места, я их разгрузил, а Бета отогнал их километров на пять, отпустил и бегом вернулся обратно. Нагрузившись трофеями – ох и тяжело! – мы направились в город.

В качестве трофеев нами были взяты одиннадцать магазинных винтовок «Ли-Метфорд» и револьвер Уэбли, принадлежащий сержанту. Отлично, такой револьвер уже был у Альфы, теперь и у Беты такой же. К каждой винтовке было по пять пятизарядных обойм. От шести из одиннадцати винтовок я избавился, утопив их в реке, попавшейся по дороге. Но и оставшиеся пять с боеприпасом, да ещё и мои вещи – всё это тянуло на немалый вес.

Был ранний рассвет, людей было мало, так что нам удалось беспрепятственно пройти по улочкам города. Все вещи мы спрятали в саду какого-то заброшенного частного дома, явно нежилого. Вскрыть дом удалось без особых проблем: залезли через окно. Мебели не было, везде лежал толстый слой пыли, но замки

были смазаны, петли тоже. Видно, пусть и плохонько, но за домом и участком ухаживают. Не знаю, что с хозяевами, но пока участок и дом явно мало кого интересовали. Ну, кроме меня.

Вскоре Бета уже спал, а Альфа охранял. Что ж, вот мы на месте. Сейчас передохнём, а ночью будем действовать. Я уже строил планы по ночному ограблению банка. Надо же с чего-то начинать.

Шучу, банком я займусь перед тем, как покину Британию. Иначе куда мне столько средств девать? Не при себе же их возить.

Нет, в Лондоне я для того, чтобы серьёзно проредить состав банкиров и палаты лордов. Желательно максимально возможно поработать ближайшие пару ночей. Потом они поймут, что на них охота идёт, и разбегутся, прячась по норам. Поэтому я решил, что максимальный урон нанесу за эти двое суток, а дальше свалю из столицы и начну рейд по городам.

Хм, следующим, пожалуй, будет Плимут. Нет, не стоит сразу лезть, там моё судно стоит, мало ли свяжут со мной. Плимут будет позже, где-то в середине списка тех городов, которые я планирую посетить.

Что ещё? Оружие есть, это хорошо. Нужны патроны для пистолетов, уже потрачен и так небольшой запас. Я, кстати, не покупал боеприпас в Питере: не хотел давать и намёка, что у меня есть подобное оружие. И браунинг покупать не стал, чтобы замаскировать закупку патронов для двух других стволов. В общем, нужны патроны для браунинга и взрывчатка, подойдёт обычный динамит.

Также нужно скорострельное оружие. Из подобного я тут могу найти разве что изделие совсем даже не товарища Максима. Датские ручные пулемёты «Мадсен» уже производятся и принимаются на вооружение, но найти их тут сложно. Пулемёт «Виккерс», конечно, неплох будет лет через двадцать, когда его до ума доведут, но сейчас, на лёгком пушечном лафете, это такая кракозябра, что связываться с ней не хочется. И всё же такая полеплевалка может пригодиться. Ладно, подумаю насчёт пулемёта и где его взять, если надумаю.

К вечеру оба близнеца выспались: сначала одному семь часов дал, потом второму. Покушали припасами, бывшими в чересседельных сумках солдат, и я пошёл на дело. Этой ночью я планировал только разведку, сбор информации по местам проживания интересующих меня людей, добычу боеприпасов и динамита. Причём работать желательно так, чтобы не всполошить лондонцев. То есть трупы свидетелей, которых возьму в качестве «языков», прятать, да так, чтобы хотя бы пару суток не нашли. Дальше уже не важно, буду плотно работать по зачистке.

Всё получилось на удивление чисто. За ночь я ликвидировал всего семерых, да и то четверо были полицейскими. Они неплохие источники информации, особенно если их разговорить.

Пятым был охранник в оружейном магазине, где я добыл нужное количество боеприпасов для револьверов и пистолетов. Даже наганы нашёл, взял четыре штуки и патроны к ним. Вы удивитесь, но на стойке смотровых образцов стоял и пулемёт «Мадсен», отмеченный как оригинальный охотничий карабин, калибра 8,58 миллиметра. Я побегал по магазину, но пулемёт был только один, с тремя двадцатипатронными магазинами секторного типа. Зато патронов нашёл под две тысячи. Прежде чем сжечь здание, я всё вынес, а угнанная карета помогла мне всё вывезти. Вот кучера не убивал, просто вырубил.

Ну и ещё двое были: один – сторож склада, где я забирал динамит, а другой – просто свидетель. Неудачно получилось: из-за погрузки Бета весь в поту был и стянул балаклаву, вытирая лицо, а тут этот. Так что пришлось его ликвидировать, да и сторожа заодно.

И вот следующей ночью я ударил. Сначала проник в дом одной очень богатой семьи банкиров, у которых даже российский император просил кредиты. Ликвидировал всех, кто находился в доме. Потом навестил квартиры других их родственников. В итоге остались в живых только те, кто отсутствовал в столице. Ну и заодно ещё три банкирских семьи на тот свет спровадил, тоже из тех, что любят спонсировать войны; захвату земель в Африке они поспособствовали, выселяя буров.

День после акции я отдыхал в том же заброшенном доме, хотя было заметно, что улицы заполнились солдатами. Однако это не помешало мне следующей ночью нанести новый удар.

В этот раз не по банкирам, которых уже охраняли армейские части, а по лордам, чего явно не ожидали. Навестил семнадцать мест, работал в основном ножами, редко используя огнестрельное оружие. Стрелять старался только в тех местах, где меня не услышат снаружи, либо используя подушку в качестве глушителя. Помогало, никто особо не всполошился.

С рассветом я ушёл из города. Ушёл Темзой, спустившись ниже по течению, где разгрузил лодку и отправил её в путешествие по волнам пролива. А сам, загруженный до предела, двинул прочь. Большую часть патронов к пулемёту я спрятал в городе, как и пару винтовок с боезапасом: всё за раз мне не унести.

После этого я ночами двигался по Британии, захватив пролётку какого-то эсквайра с противным характером. Противным он был, пока я не вытащил нож из его тела и не спрятал его тело вместе с кучером.

Первым городом, который я посетил, был Пембрук-док, город и одноименная военно-морская верфь. Я заминировал и после ухода подорвал склады с военным имуществом. Взорвал также и строившийся на верфи корабль, и стапели тоже, что заняло изрядно времени. Корабль был почти готов, явно ожидал скорого спуска на воду, но теперь эту изувеченную конструкцию так просто не починить. Судя по виду, строили броненосный крейсер.

Такую махину так просто не уничтожить, запаса динамита, что был при мне, было явно недостаточно, но помогли склады рядом с верфью, там взрывчатки хватало. Я провозился всю ночь. Шестерых сторожей ликвидировал за ночь, поджёг шнуры и рванул на пролётке прочь. Рвануло, когда я уже в нескольких километрах был, зарево долго виднелось.

После этого я направился в Ливерпуль, где взорвал стоявший на якоре броненосец. Проник на борт, добрался до порохового погреба и подорвал динамит; для инициирования хватило. Ушёл вплавь. Рвануло, когда я был метрах в шестистах от корабля, и всё равно тряхнуло. Это был единственный крупный корабль там, он сразу на дно лёг. Бета в это время поджёг военные склады, складывая небольшие пачки динамита, чтобы устроить побольше разрушений и уничтожить снаряжение – сгоревшее не вернёшь.

Потом был Шеффилд, за ним Плимут. Там я узнал, что судно моё уже отпустили, продержав три недели и конфисковав все берданки. Поэтому я сжёг их вместе

со складом, да не одним, а всеми, до которых дотянулись руки. Красиво горели. Жаль, не было того крейсера, который арестовал моё судно. Но я всё компенсирую заключительным налётом на Лондон.

Плохо то, что сейчас всего лишь середина июля, а Бета вот уже неделя как серьёзно ранен. Случайная пуля в грудь, аккуратный выход под лопаткой; повезло, что пуля редкая была, остроконечная. Я хорошо обработал и перевязал рану, и Бета был вполне транспортабелен. Случилось это в Шеффилде, так что в Плимуте Альфа уже работал один, а Бета был на охране лагеря в лесу. Но по сути, именно из-за этого ранения я и притормозил работу в Англии, в Плимуте был скорее завершающий аккорд. Я решил, что с местью пора завязывать.

Аккуратно, стараясь не растрясти Бету, три ночи ехали до Лондона. Прежде чем брать банк (я уже выбрал какой), нужно было продумать пути отступления и найти средство эвакуации. Необходимо скоростное судно с такой дальностью хода, чтобы хватило до Франции, то есть не меньше шестидесяти морских миль. Для этого вполне подойдут минные катера.

И стоит отметить, что недалеко от Лондона была станция с такими катерами. Дальность хода у них, конечно, невелика, но до Франции точно хватит, да и скорость приличная – у некоторых выше тридцати узлов. Однако, проведя разведку, я был вынужден констатировать, что тут ничего не выйдет. Нет катеров, а те два, что вытащены на берег, мне не подходят: они проходили плановый ремонт и обслуживание. Похоже, британцы, после того что случилось, всё побережье закрыли.

Банки все были под охраной, видимо по той же причине. Я в других городах поджигал банки, а для британцев удар по их кошельку что острый нож в сердце. В разное время и в разных городах двадцать шесть банков пылали как свечи. Я делал бутылки с зажигательной смесью, для этого мне несколько раз приходилось взламывать аптеки, чтобы добыть там бензин на это дело.

Не зная, где будет нанесён очередной удар, банкиры наняли дополнительную охрану. Ликвидировать я её смогу, но не бесшумно, без Беты тут и ловить нечего. Ладно, Лондон трогать не буду, лишь бы уйти тихо.

А компенсацию за арест судна я уже получил. Я ведь не все банки жёг сразу, в некоторых предварительно по хранилищам пошустрил, так что в чемодане

лежали два миллиона пиндосских долларов банкнотами, а в обоих саквояжах – сто тысяч рублей Российской империи золотом. Их я взял в хранилище одного из ливерпульских банков перед тем как сжёг его, как и ещё шесть других в городе. Фунтов тоже хватало, взял тысяч пятьдесят, но больше не связывался: отследить могут; это доллары поди отследи, их пиндосы много печатают.

Как видите, не зря столица серьёзно сторожилась от такой напасти. А вообще, я читал местные газеты. Моя уловка сработала, и все британцы считали, что это работают ирландцы, ИРА: мол, политические убийства банкиров и лордов, ограбления банков, деньги нужны для нападений и вербовки, сжигали банки, чтобы ударить по самому сокровенному. Отлично, мне это только на руку.

Причём в газетах были описаны ещё пять нападений, слегка меня удививших. Как раз банки грабили, убитые были и со стороны нападающих, и со стороны полицейских и солдат. Вот тут я уже ни при чём. Похоже, это уже настоящие повстанцы головы подняли, ну или местные кадры под шумок банки ломали. Из пяти нападений три были удачны, из банков всё вывезли. Что касается двух других, то в одном только частично смогли вывезти, а во время последнего нападения все погибли: здание было окружено, при прорыве и легли ребята, жаль их.

Британию я покинул, угнав в районе Дувра небольшой парусный рыбачий баркас. Рыбаки как раз на ночной промысел собирались. Всех троих – за борт, сам я под рыбака переоделся, и ушли в ночь. Баркас и нас с Бетой, и наши трофеи спокойно вывез. Ночка была тёмная, пару раз на горизонте мелькали какие-то суда. Один раз британский бронепалубный крейсер пробежал не так далеко, но нас не заметил, а мне хорошо его было видно, даже ночью.

До континента я смог добраться только на второй день: в первый ветер сменился и погнал нас в Северное море. Я потому паруса и не любил, от капризов природы зависишь. Так и качались на волнах целые световые сутки, завалив мачту. Бета отлёживался, я менял ему повязки, но видно было, что молодой организм справляется, на поправку идёт.

Нас снесло, и высадились мы в Германии. Но главное, мы на берегу. Баркас я отправил под парусом скакать по воле волн – глядишь, кто поймает этот летучий голландец. Оставив Бету при вещах (тут скалы на берегу, есть место для укрытия), я в теле Альфы направился на поиски транспорта. Желательно его купить, но можно и украсть. Возница не нужен: лишний свидетель; в таких

случаях их не оставляют, поэтому лучше всё самому сделать.

Я примерно прикинул, куда нас снесло, и, когда опознался на местности, понял, что не так уж сильно ошибся. А ведь на глаз вычислял, штурманских инструментов-то нет, как и карты. Высадились мы, оказывается, в районе городка Гретзиль. Там я и купил рессорную повозку. Постарался сделать помягче ложе для Беты, после чего мы покатили в сторону Берлина. Добравшись до ближайшей железной дороги, мы избавились от повозки, и без пересадок прибыли в столицу Второго рейха.

Потом была снята комната у частников и найден умеющий держать язык за зубами опытный врач для Беты. Я прокатился до Цюриха, где положил деньги в банк под проценты: один миллион долларов на Альфу, второй – на Бету. Сто тысяч русских рублей положил в арендованный Альфой сейф: золото есть золото, пусть хранится.

В ожидании, пока Бета встанет на ноги, я нанял учителя немецкого языка. Нахождение в языковой среде сильно помогало мне с его освоением. Фактически за этот месяц я освоил то, что полгода учил бы у себя на родине.

Домой мы с Бетой вернулись за пару дней до начала уроков, успокоив волновавшуюся Анну Васильевну. Документы по практике нам оформили, так что мы продолжили учёбу. Бета, всё ещё бледный и слабый, говорил всем, что не до конца оправился от тяжёлого двухстороннего воспаления лёгких. Ну а я учился да помогал Бете. Так время и шло. Полностью Бета восстановился только через полгода, я начал постепенно давать ему нагрузки, восстанавливая тело.

Летом мы закончили учиться, сдали экзамены и получили патенты шкиперов и штурманов международного образца, а также звания прапорщиков по адмиралтейству. Нас внесли в реестр и сразу отправили в запас, выдав офицерские патенты. Они всем офицерам выдаются, даже таким, как мы.

Окончание учебы мы сперва шумно отметили в ресторане, а потом и в тихом семейном кругу. Отдыхали всего три дня, а дальше нас ждало долгое и увлекательное путешествие на другой край России – на Дальний Восток. А конкретнее – в Порт-Артур. Билеты были куплены заранее.

К поезду был присоединён грузовой вагон, туда загрузили и три больших ящика, оформленные на Альфу, я оплатил доставку груза. А мы ехали в мягких вагонах второго класса. Из-за плотной учёбы спали мало, так что я воспользовался возможностью, дав близнецам отлично выспаться в дороге.

Правда, телам не хватало нагрузки, поэтому во время стоянок, когда бункеры пополнялись углём и водой, мы занимались гимнастикой, боролись друг с другом, отрабатывая разные приёмы, чтобы взбодриться. Некоторые из пассажиров, среди которых были и офицеры, присоединялись к нам. Хотя особо с ними я не сошёлся, а всё потому, что вёл здоровый образ жизни. Для этих вояк кто пьёт – тот друг и брат. А не пьёшь, даже внимания не обращают: неполноценный, считай.

К сожалению, прямого железнодорожного сообщения с Дальним Востоком не было. Дорога шла до Байкала, там пересаживались на судно. Мы отлично накупались в озере, после чего на судне прибыли на другой берег. Там снова погрузились на поезд, и дорога продолжалась.

Среди пассажиров, ехавших с нами, были и местные. Они рассказывали, как раньше поезда попадали под обстрелы местных бандитов – хунхузов. Рассказывали, что многие купцы во Владивостоке платили им дань, кто-то даже тысячами рублей. Иначе – похищение и выкуп, а может, и пытки, и убийство, чтобы другим неповадно было. Разбой и крышевание тут процветали. Но сейчас было тихо, охранная стража КВЖД серьёзно проредила бандитов. Нам повезло, проехали спокойно и вполне благополучно добрались до Порт-Артура.

На станцию Порт-Артура мы прибыли днём, часа в три по местному времени, двадцать девятого июля тысяча девятьсот третьего года. Бета забрал наши личные вещи и направился искать место, где можно остановиться, организовать помывку, что было необходимо после такой долгой дороги, и стирку одежды.

Альфа же остался на станции, чтобы проследить, как выгружают ящики, и оплатить для них место на складе сроком на год. Грузчиками были два десятка китайцев. Они с огромным трудом смогли вытащить ящики по доскам и погрузить их на усиленные повозки. Ну да, каждый ящик – почти полтонны весом, что есть, то есть.

В ящиках находились ружья-пулемёты «Мадсен» под русский патрон. К каждому амуниция с чехлами под магазины и четыре тридцатизарядных магазина. Сложены они были не в оружейные ящики, как полагается, а фактически кучей, для прослойки между ними была набита солома. Зато так они меньше места занимают – в ящике по тридцать пулемётов.

Это оружие, ровно сто штук, я через третьих лиц заказал в Дании, после чего оно разными путями было доставлено в Ригу, а из Риги железной дорогой в Питер. До нашего отъезда на Дальний Восток оно хранилось на том же складе, что и берданки, которые я продолжал возить в Африку.

Кстати, в Африку я отправил и пять «мадсенов» с солидным запасом патронов. Арабы, мигом распробовав это оружие, запросили ещё. Так что был сделан заказ ещё на пятьсот единиц пулемётов, которые, также через третьих лиц, отправлялись в Африку; было отгружено уже больше двухсот единиц. Схема отлажена, будут доставлены и остальные.

Как мне удалось узнать, почти все пулемёты были выкуплены колонистами из Южной Африки. Да, бурами. Они же заказали в России целое судно патронов к ним. Ну и вроде вышли на оружейный завод в Дании, где изготавливают это оружие, заказали себе под уже привычный патрон ещё таких пулемётов. Точно не знаю, что дальше было, но грузовое судно из Одессы уже ушло в Африку с грузом патронов, по остальному пока неизвестно.

Ещё пять пулемётов были среди баулов наших личных вещей, я старался сделать их непохожими на оружейные кофры. Там же на пять пулемётов – тысяча патронов. Маловато, но хоть это. Весят они солидно, Бете пришлось телегу нанимать, чтобы все наши вещи отвезти на место постоя.

Ещё в поезде мы узнали, что с жильём в городе настоящая беда. Даже офицеры жили вдвоём, втроём в одной комнате. А уж семейным было совсем плохо. На этот случай я успел подготовиться, обдумав проблему с разных сторон. Поэтому убедившись, что нормального жилья нет, а в общежитии я жить не хочу, сразу приступил к пункту «Б» (пункт «А» подразумевал жильё в городе).

Бета стал искать суда в продаже. А что, всё равно покупать, так чего тянуть? К сожалению, суда, удовлетворяющие меня по всем параметрам, в Порт-Артуре не продавались. Был крупный двухмачтовый бриг водоизмещением в тысячу двести

тонн, без паровой машины, что сейчас большая редкость. Да и сам бриг уже старик: разменял три десятка лет. Были два парусно-паровых судна, одно из них – рыболовная шхуна, самая молодая среди продаваемых судов, всего восемь лет.

Нормального судна, пусть даже небольшого тоннажа, но с паровой машиной, в продаже просто не было. Может, во Владике что будет? Не знаю, но я собираюсь побывать и в Японии, и в Китае, чтобы поискать там что-нибудь подходящее.

Пока же Бета купил банальную джонку. Небольшую, но в виде яхты, с роскошными каютами, небольшим камбузом и столовой. Для жилья лучше нет. Всего тонн сто водоизмещением, большой баркас, по сути, но для двоих очень даже неплохо. И не зависим ни от кого. Купили и лодочку, чтобы до якорной стоянки судна добираться.

Оформление в администрации порта не требовалось, тут таких джонок тысячи, ну или сотни. Просто получили выписку с подписями двух свидетелей, хозяев других джонок, о том, что судно теперь принадлежит Бете. Бета передал деньги, двести десять рублей, получил расписку на указанную сумму, и всё. Бывший хозяин отбыл, а Бета начал устраиваться на борту.

Когда я на пролётке подкатил к берегу, Бета уже плыл ко мне на лодке, работая вёслами. Он успел найти китайских прачек, передал одежду в стирку и на палубе готовил всё к помывке. Ею мы и занялись, не особо смущаясь, прямо на палубе. Потом, расстелив матрасы, отдыхали на корме, греясь под лучами жаркого солнца и изучая стоявшие на рейде боевые корабли. Кстати, и «Варяг» был тут же.

Мы сделали заказ китайскому лодочнику, и тот доставил нам продукты. Даже готовые китайские пельмени были: отвари и употреби. Вкусные, мне понравились. Утром лапша будет.

Потом Бета делами занялся: доставал пулемёты и другое оружие, проверял и чистил их после долгой дороги. Из оружия у нас были две британских винтовки «Ли-Энфилд» с запасом патронов «дум-дум» (по пятьдесят на ствол), четыре пистолета-карабина Маузера, два браунинга, официально купленные в питерском оружейном магазине, и два нагана. К оружию – кобуры, ремни, даже наплечные, запас патронов, тоже солидный. Был даже ящик динамита, но его убрали глубоко в крохотный трюм, чтобы глаза не мозолил.

Пока Бета оставался на охране, Альфа отправился на берег, Бета его отвёз. Для начала я хотел узнать, как тут с женщинами. После долгой дороги оба близнеца уже в охотничью стойку становятся. Мне ещё в поезде посоветовали салон мадам Коко. Местные старожилы знали, что советовать: дорого, зато без проблем.

Ну и насчёт местного пароходства КВЖД узнать хотел. Пока планы были такие. Альфа покупает судно на паровом ходу, большое не нужно, хватит тысячи тонн водоизмещения; по сути, местный каботажник, изучать местные воды самое то. А вот Бету стоит пристроить в местное пароходство; с кадрами тут постоянные проблемы, так что думаю, быстро на какое-нибудь судно устроится.

Это всё нужно для расширения зоны охвата будущих военных действий. Мне нужно тщательно изучать местные воды. Да, со мной есть навигационные карты, которые я скопировал у первого своего учителя-штурмана, но изучать своими глазами тоже дорогого стоит.

Именно в салоне мадам Коко я и решил свои проблемы. Уже когда стемнело, и я, довольный и выкачанный до самого дна, спустился вниз, то в курительной комнате подошёл познакомиться со шкипером парохода КВЖД (приметил его форму), который, как оказалось, работал на регулярных рейсах в Японию, заходил и в Сасебо. Он мне посоветовал покупать судно у японцев: в последнее время они строят судна очень высокого качества, не как раньше. Особенно небольшого тоннажа. И комфорт на борту теперь тоже на уровне.

Сам он ходил на пароходе именно японской постройки, в две с половиной тысячи тонн водоизмещением. Сейчас судно стояло у причала, на разгрузке. Причём, что за груз, он не скрывал: в Японию зерно возит, обратно – рис. Оттуда же и пшеница прибывает. Что-то флот выкупает для себя, но большая часть уходит вагонами в центральную Россию.

Я поинтересовался: почему в Китае не покупают? Шкипер пояснил, что там два других судна работают. Тут объём морских грузоперевозок невелик, нескольких судов хватало, чтобы обеспечить работу железной дороге и поставки флоту, который дислоцировался в Порт-Артуре. Местное население кормилось за счёт поставок самих китайцев, использовавших для этого джонки.

Ну и главное. Проблемы с моряками тут действительно были. У шкипера на борту всего два судоводителя, он сам и старший помощник, и всего один штурман. Большая часть моряков – русские, но были и несколько корейцев, которые научились балакать на русском. Заиметь ещё одного судоводителя он был очень даже не прочь. Даже начальство бомбардировал письмами, на что ему отвечали, что мало выпускников мореходки из Владивостока сюда едут, а из центральной России так вообще никого.

Я был доволен, что пристроил Бету на судно вторым помощником капитана. Завтра оформим договор на год, и он приступит к работе. Причём судно через два дня уходит в Японию, и я с ними пойду, в качестве пассажира. Буду искать себе судно. Пусть оно у меня недолго пробудет, так как с началом войны я, скорее всего, буду призван, но я его потом куда-нибудь пристрою. Там видно будет.

Вот нехватка специалистов-моряков меня напрягла. Нет, обычных моряков нанять можно: когда у военных моряков заканчивается срок службы, они охотно нанимаются на гражданские суда, потому что там и сытнее, и денежнее, можно заработать на дорогу обратно домой, на подарки родным. Но вот с навигаторами и помощниками капитана может быть фигово.

Я даже задумался: стоит ли отдавать Бету? Однако плюсы работы на разных судах всё же перевесили. Ничего, и один справлюсь. И за капитана буду, и за штурмана, всё опыт. Шкипер также посоветовал, где можно найти бывших военных моряков, которые ещё не отбыли домой.

Я вернулся на берег. Бета, подогнавший лодку, поспешил в салон мадам Коко, а я, довольный, как мартовский кот (девочки у мадам очень даже неплохи, завтра повторю), взялся за вёсла и направил лодку к джонке.

Утром близнецы посетили штаб флота, где встали на учёт как прапорщики запаса. Точнее, это был штаб эскадры, которая тут дислоцировалась. После этого Бета посетил здание, где располагались службы пароходства КВЖД. Его зарегистрировали как сотрудника, сроком на год, и направили на борт судна «Магдалена», где капитаном был уже знакомый мне шкипер.

Кстати, через Бету я после узнал, что острого дефицита в штурманах или шкиперах нет, мореходка Владивостока вполне удовлетворяет потребности пароходств, работающих здесь, просто у капитана «Магдалены» излишне высокие требования к работникам. Ужиться он смог только со старпомом, а штурман – его родной брат, младший.

Непросто Бете будет. Ему, как выпускнику столичного учебного заведения, никак нельзя упасть лицом в грязь. Ничего, опыт у нас есть, не то что у других. Ведь в большинстве своём студенты мореходных классов не учились, а отбывали повинность. Во всяком случае, если посмотреть со стороны, казалось, что им нужны только дипломы. Не зря их в газетах хаяли, называя не студентами, а сбродом.

На нашем курсе реально учились всего шесть человек. Эти шестеро и получили наивысшие оценки. Преподаватели же тоже видят, кто реально учится, а кому это неинтересно. Семеро вовсе не сдали экзамены, на пересдачу пошли. Сдали экзамены по двум специальностям, основной и дополнительной, шкипера и штурмана второго разряда, всего трое: близнецы и ещё один паренёк из потомственных моряков. Остальные были низшего, четвёртого, разряда.

Бета, забрав вещи, с помощью наёмного лодочника из корейцев перебрался на борт судна, которое, закончив загрузку зерном, уже отошло от пирса и встало на якорь. Он заказал себе пошив флотского костюма уставленного образца со знаками различия судоводителя, обещали, что сегодня будет готов. Портного ему посоветовал капитан «Магдалены». Альфа себе тоже заказал. Чуть позже он присоединился к Бете и заселился в пассажирской каюте. Все вещи с джонки я перевёз с собой. В каюте их было не разместить, поэтому выделили место в кладовке.

Джонку продавать я не хотел. Один поручик-артиллерист из береговой охраны, тучный такой, мучился с поиском жилья. Мы с ним на одном поезде прибыли, он с двумя слугами был, хотя их наличие и порицается. Вот ему я и предложил джонку в аренду, чему тот очень обрадовался. То небольшое неудобство, что жить придётся на воде, поручика не смутило. Роскошью каюты его удовлетворили, причём настолько, что он триста рублей золотом предложил.

Я согласился. А деньги положил на недавно открытый счёт Русско-восточного банка, имевшего представительство в городе.

Бете устроили на борту экзамен по профпригодности, а Альфа отправился на берег набирать команду для своего будущего судна. Место для неё на борту было. Для начала хватит двадцати, дальше наберу по надобности. Главное, нескольких кондукторов найти, пару в рубку и в машинное отделение.

* * *

Сейчас я находился в порту Токио. Сюда пришлось добираться на другом судне. «Магдалена» с Бетой на борту, высадив меня с моей командой в Хиросиме, загрузилась и отбыла обратно. А капитан-то мне врал: рис можно купить и в других местах. Среди груза были какие-то ящики и сталь разных марок в чушках. Просто класс, сами же продаём японцам бронесталь для постройки их боевых кораблей.

В Токио был неплохой рынок разных судов на паровом ходу. Однако ничего мне не подходило. Но было одно новенькое судно, без пробега, заказчик не смог его выкупить (проще говоря, бежал из Японии), и верфь выставила судно на продажу как арестованное имущество.

Судно было грузопассажирское, имело двенадцать пассажирских кают, из которых две – улучшенной планировки, одноместных. Были также каюта капитана, три каюты для помощников и штурмана, матросский кубрик, приличный камбуз, столовая. Судно даёт ход в восемнадцать с половиной узлов на пределе, или пятнадцать, если особо не нагружать машины, а это очень прилично. Имеется радиорубка с радиостанцией «Телефункер», надстройки рубки управления находятся ближе к корме.

Всё хорошо, только одна беда. Или две, тут как посмотреть. Судно слишком большое, две тысячи триста зарегистрированных тонн водоизмещения. Многовато для меня. С другой стороны, отличное судно, свой судовой кран, три трюма, два перед надстройками, третий за надстройками, между ними и кормой. Вторая причина моих колебаний – цена. Что-то больно её загнули. Вон, флотские интенданты поглядывали на судно, но пока не приобретали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/poselyagin_vladimir/praporschiki-po-admiralteystvu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити